

Мария Фомальгаут

НЕСЪЕДОБНОЕ ВРЕМЯ

Мария Фомальгаут
Несъедобное время

«Издательские решения»

Фомальгаут М.

Несъедобное время / М. Фомальгаут — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-930427-8

А вы про нас напишете? Правда-правда напишете? Очень-очень просим. Это не сложно, честное слово. Совсем-совсем не сложно. А то про нас еще никто не написал. Вот, например, вы напишете, как оцепили главную улицу от фонтана до набережной, и никого туда не пускали, даже самых любопытных, даже по пропускам, да и не было никаких пропусков, и даже если сам мэр города пришел и сказал, что хочет зайти за ограждения, его бы не пустили. И полиция стояла. Вот так.

ISBN 978-5-44-930427-8

© Фомальгаут М.
© Издательские решения

Содержание

(Название потерялось)	6
Вырубленная глава	7
Часть четвертая (вырублена под корень)	7
Часть шестая	8
Часть пятая (тоже вырублена)	9
Часть первая	10
Часть вторая	11
Часть третья	12
Часть седьмая	13
Часть восьмая	14
Часть девятая	15
По-моемугеройскому	16
Графорайтер	24
Как от улицы Фонаря, так до Рассветной	32
Третий Дрим	34
Ничья ось	44
Кэп Кап	46
Несъедобное время	50
Много Дэ	54
Последняя космическая	58
Пять городов	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Несъедобное время

Мария Фомальгаут

Иллюстратор Мария Фомальгаут

© Мария Фомальгаут, 2018

© Мария Фомальгаут, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4493-0427-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

(Название потерялось)

...около половины пятого мы наконец-то вернулись к нашему дому – супруга еще заметила, что подоспели как раз к фэйф-о-клоку. Поднявшись на вершину холма, мы увидели дом, притулившийся у его подножия – и это было как раз, кстати, потому что мы продрогли до костей, а ветер буквально сбивал нас с ног. Первый раз за много месяцев дом показался нам уютным, по-настоящему домашним, он даже зажег окна на первом этаже, где кухня и гостиная, а вскоре из средней трубы показался дымок – это значило, что дом затопил камин. Младшая дочь еще поговаривала, что дом себя покажет, и лучше бы мы остановились в гостинице, – но что-то подсказывало мне, что в ближайшее время в доме будет спокойно. Правда, оставалось еще вернуть из Лондона тетушку Кэтти, и Элизию с Коморских островов, и близнецов – неведомо откуда. Но мы были уверены, что все это образуется со временем.

Когда мы вошли в дом, то увидели, что чайный сервиз переехал из буфета на стол – и это было еще одним подтверждением, что дом ждал нас. Правда, мы не совсем поняли, почему диван оказался посреди комнаты – но, наверное, дому так было удобнее.

А больше мы ничего не знали – у нас не было больше никакой информации, только вот этот обрывок страницы. Нам пришлось самостоятельно домысливать нашу историю, что могло случиться до того, как мы вернулись в дом. Мы придумывали, как купили этот дом на распродаже, еще удивились, почему он продавался так дешево. Мы сочиняли, как в доме начали происходить странные и невероятные события. Мы решили, что сначала без вести пропадет тетушка Кэтти – когда пойдет в погреб за вареньем – а потом ненадолго вернется, чтобы исчезнуть снова, на этот раз в Сочельник. Мы придумали, как дом закручивался сам на себя, чтобы не дать нам выбраться – и как это кружение длилось века и века. Потом мы придумали, как пытались избавиться от дома, продать его первому встречному, по дешевке – но люди не соглашались, видимо, слава о дурном доме разошлась по белу свету. А потом что-то случилось, что мы полюбили свой дом – например, он защитил нас от грабителя или от непогоды, или еще что-то такое сделал для нас... важное...

Несколько раз мы пытались найти автора, чтобы он дописал про наш дом. Пару раз даже откликнулись на наше объявление, приходили начинающие писатели – но все они казались нам недостойными нашего шедевра.

Вырубленная глава

Часть четвертая (вырублена под корень)

Часть шестая

– Передай им... – начал Бук и снова закашлялся, – передай им... всем... своим... что если они убьют нас, они убьют и себя тоже.

Хомо презрительно фыркнул:

– Ничего подобного, еще океаны есть.

– При чем здесь океаны?

– Ну, если вы про кислород, так еще океан кислород вырабатывает... Это все красивые лозунги, леса, зеленые легкие планеты, берегите лес... источник дров, – хомо снова фыркнул, – только никто этого слушать не будет, такие деньжищи крутятся...

– Нет-нет, вы не поняли, – замотал головой Бук, – тут другое... Вот вы приковывали себя наручниками, призывали нас беречь... почему?

– Ну как же... жалко же...

– А почему вам жалко деревья?

– Ну... э-э-э...

А я вам скажу, почему. Потому что вы сами когда-то деревьями были.

Хомо посмотрел на нас – его лицо ничего не выражало, видно было, что он совершенно нам не верит.

– Не верите? – продолжил Бук, – а зря... скажите... откуда вы взялись?

Хомо забормотал что-то про маленьких существ, которые жили на деревьях, но тут же осекся – видно было, что он и сам не очень-то в это верит.

– Ну, вот видите... так что вам мешает поверить в ваше происхождение от нас? Маленькое семечко летит через вселенную, падает на планету, прорастает в глине...

Хомо радостно хлопнул в ладоши:

– Ну, конечно... слушайте, головы у вас что надо... Вы не парьтесь даже, я им так лапши навешаю, поверят как миленькие...

Часть пятая (тоже вырублена)

Часть первая

Когда я проснулся, то понял, что меня вырубил под корень. Нет, не одно-два дерева, и не три, и не восемь – а под корень. Вернее, я уже ничего не увидел, я был слеп – вместе с деревьями исчезли мои глаза, которые качались на ветках, исчезли уши, которые шелестели на ветру. Я был еще не мертвый – но уже и не живой, во мне оставалось жизни на несколько часов, не больше.

Это сделал Бук.

Я увидел (уже не увидел) все это и догадался – это сделал Бук.

Бук.

Раньше мне доводилось видеть подобные кошмары со стороны – вырубленные леса, выжженные леса, а то и вовсе леса, чья почва была отравлена чем-то невыносимым, неизвестным. Последнее мне доводилось видеть только на фотографиях из хроник необъявленной войны где-то там, на юге, где вообще не действовали никакие моратории и правила.

Я умирал. И это было тем более странно, что Бук никогда не дал бы мне умереть – нет, Бук давно мечтал сравнить меня с землей, но он в жизни не дал бы мне умереть. Хотя, впрочем, что я вообще знал про Бука – мы виделись слишком мало, я не успел понять его до конца.

Я еще пытался спастись – хотя понимал, что это невозможно. Я еще отчаянно прислушивался к беспомощным обрубкам, надеясь собрать воедино последние искорки жизни – но почти тотчас же убедился, что деревья были не только срублены, но и выкорчеваны с корнем. Это было что-то новенькое – настолько невыносимое, что я никак не ожидал этого от Бука.

Впрочем, я и сам был виноват – что перекинулся не вовремя. Сколько я помню себя, мы с Буком перекидывались одновременно, – и в стой, и в иди. Мы зорко приглядывались друг к другу, улавливали малейшие изменения во вражеском народе, изменения, по которым можно было определить, что скоро народ из иди станет стой – и тоже готовились к стой, к тому, чтобы прахом упасть в землю и прорасти могучим лесом. А потом точно так же чутко прислушивались к запахам чужих лесов – чтобы одновременно выпустить семена, уронить их в траву-мураву, окружить теплом и заботой, дать прорасти, выпустить щупики, на которых побежит по свету новый народ...

Воспоминания.

Не к месту и не ко времени.

Я слышал, так бывает – в последние мгновения жизни...

...последние?

...мгновения?

...жизни?

Жить. Во что бы то ни стало – жить, сказал я себе. Я нашел обрубок, в котором еще теплилась жизнь, я заставил его пустить росток, но тут же отказался от этой затеи – вокруг обрубка не было ни воды, ни хорошей земли, он бы не продержался слишком долго. Тогда мое внимание переключилось на кусок корневища, которое почти умерло, но лежало на богатой почве возле ручья – у него было больше шансов. Корневище не ответило на мой сигнал – напрасно я звал, требовал, умолял, угрожал, просил – жизнь уходила из искалеченного корня.

Искать. Перебирать все кусочки меня, которые еще есть, перебирать, пока сознание еще живо, да кто сказал, что оно живо, мое созна...

Часть вторая

...я спросил себя, почему я лежу в чужом доме. И почему я один. И почему горит лампада, я не привык спать при свете. И почему сидит Бук, вот так, в кресле-качалке, хорошее кресло, и дом хороший, молодец Бук, если это дом буков, умеет Бук из обломков самого себя дом построить, хотя, может, и не самого себя. Я слишком хорошо знал Бука, я не сомневался, что для своего дома Бук взял не только свой лес, но и чужой. Моя догадка подтвердилась, когда я увидел плетеные корзины явно из другого дерева и дверные проемы, в которых узнал Липу.

Приворовываешь чужие леса? – спросил я.

– Это ты вместо благодарности? – парировал Бук.

Меня передернуло.

– Благодарности? За что? За то, что в плен меня взял?

– В плен? – Бук подскочил, его суставы жалобно заскрипели, – всего хорошего, – он распахнул дверь. Я уже собирался встать с кровати и уйти прочь, но на пороге на меня нахлынула память – резко, властно, мощно, и я ухватился за косяк, чтобы не упасть – так больно было вспоминать безжизненные обрубки...

– Постой... ты что... спас меня?

Бук недовольно фыркнул:

– А ты как думал?

– И с чего это вдруг?

Бук, казалось, задумался.

– Ну что ж ты хочешь, меня самого вот так же...

– Что – вот так же?

– Вырубили... под корень.

– Да ну?

– Ну да. Я сначала думал, это ты, потом уже дошло до меня, что на тебя что-то не похоже, ты, конечно, тот еще мерзавец, но не до такой же степени...

Я хотел возмутиться, но решил оставить возмущение на потом.

– ...потом понял, что это не ты.

– А... кто?

Мой вопрос повис в воздухе. Бук задумался, потом помотал головой:

– Не... не знаю.

Часть третья

– Еще один, – сказал Бук.

Я молчал. Я и сам видел, что еще одному лесу пришел конец – вот так, внезапно, его тоже выкорчевали под корень. И мы по-прежнему не знали, кто это сделал.

Я понимал, что бесцельно бродить по окрестностям и искать выжившие леса – бессмысленно, но это был единственный, хоть и маленький шанс что-то узнать. Я уже хотел сказать, что день близится к вечеру, и нужно идти к дому, когда услышал шорох за холмами – этот шорох не был похож ни на что известное мне, это не был ни зверь, ни птица, ни лес – стой, ни вторая ипостась леса – брод. Мы осторожно поднялись на холм – каково же было наше удивление, когда мы увидели неведомых тварей...

Часть седьмая

– Они ушли.

Так сказал мне Бук. Хочется добавить – на следующий день, но это случилось только месяц спустя. Бук сказал мне:

– Они ушли.

Я уже и сам понимал, что они ушли – не слышно было гула моторов и стука топоров. Вернее, понял бы, если бы не умирал – а так моих сил хватило только на то, чтобы услышать голос Бука и упасть в землю – прахом, прахом – чтобы возродиться снова. Удивительное дело, даже сейчас, падая в землю прахом, я поглядывал на своего врага – где он, что с ним, точно ли пал прахом в землю, не выжидает ли.

Часть восьмая

Когда я в следующий раз увидел Бука, я сразу понял, что будет война, – здесь, сейчас, без вариантов. Что поделать, я должен был признать, что и правда пришло время войны, – мы прахом упали в землю, проросли, пустили семена, построили города, – и вот теперь-то можно было в который раз выяснить, кому из нас быть властелином на этой земле.

Поэтому я не удивился, когда увидел армию Бука, которая приближалась к моему городу – недолго думая, я сам собрался в войско и приготовился к обороне. Однако, к моему немалому изумлению, Бук не только не собирался нападать, но и напротив, торжественно поднес мне снесь и заверил меня в своем глубочайшем расположении. Я насторожился – все это больше всего походило на ловкий обман, на удачную ловушку, но никак не на благородство Бука.

– Тис, друг мой... пора на битву, – сказал Бук.

– Вызываешь меня на бой? – догадался я.

– Отнюдь...

– Тогда... с кем же мы будем сражаться?

– С ними... с ними...

Он показал куда-то в никуда, но я догадался, кого он имеет в виду.

– Но почему... почему? Мы же договорились с ними... мы же...

Договорились – надолго ли? На месяц? На два? На год? А дальше что? Надого их хватит?

Тис, у тебя добрая душа, но ты пойми правильно, тут не до доброты, или мы их, или они нас, третьего не дано.

Я уже и сам понимал, что третьего не дано. Я сказал себе – третьего не дано – когда мы шли на бой. Я повторил себе – третьего не дано – когда мы собрались в доме Бука, чтобы отпраздновать победу. Третьего не дано, повторял я себе, поднимая чашу. Третьего не дано, говорил я, прислушиваясь к себе, подспудно чувствуя, что что-то очень и очень не так...

Что-то...

Что-то...

Часть девятая

– Мы приговорили себя.

Это я говорил уже позже, когда уже не говорил – третьего не дано.

Бук изумленно посмотрел на меня, он не понимал, как мы можем приговорить себя, когда враг уничтожен...

– Нет, – возразил я, – уничтожены мы. Причем, бесповоротно.

Бук снова не понял меня.

– Ты сказал им, что они произошли от нас... ты врал...

– ...врал.

– Всё было наоборот.

– Наобо...

– Наоборот. Посмотри... когда меня вырубил, я стал вспоминать, как мы с тобой сражались, как я прорастаю, я так подробно говорил это самому себе... Для чего? Для чего?

Бук растерянно фыркнул, откуда ж я знаю, что делается у тебя в голове...

– А все очень просто... я рассказывал это по сюжету книги... Для кого? Как ты думаешь, для кого написана история про нас?

– М-м-м... для нас...

– Нет, мы-то с тобой все это знаем, и как мы прахом в землю ложимся, и как из праха встаем, и как семена бросаем... Тогда для кого? Для кого?

– Для них?

– Верно говоришь. А почему?

– Ну... гхм... не знаю.

Зато я знаю. Для них... Они придумали нас. И написали про нас. Вернее, написали бы. Если бы мы их не убили.

– Ты думаешь?

– Я не думаю. Я знаю.

Я почувствовал, что что-то происходит с нами, что что-то случится – здесь, сейчас, сию минуту. Я бросился в землю, я еще надеялся стать прахом, сам не знаю, зачем, как будто это могло меня спасти, но я уже чувствовал, что мне ничего не поможет, потому что меня нет и никогда не было...

По-моемугеройскому

А вы про нас напишете? Правда-правда напишете? Очень-очень просим. Это не сложно, честное слово. Совсем-совсем не сложно. А то про нас еще никто не написал.

Вот, например, вы напишете, как оцепили главную улицу от фонтана до набережной, и никого туда не пускали, даже самых любопытных, даже по пропускам, да и не было никаких пропусков, и даже если бы сам мэр города пришел и сказал, что хочет зайти за ограждения, его бы не впустили. И полиция стояла. Вот так.

Вы про это напишете, правда? Это совсем нетрудно, ну представьте себе какую-нибудь полицию, придумайте им что-нибудь, красное перо на шляпе или саблю какую. Вот. А перед ограждениями толпился народ от мала до велика, а ребяташки залезали на плечи взрослым, чтобы лучше видеть. А когда в небе показался прозрачный шар, окруженный электрическими всполохами, толпа восторженно загудела – ведь раньше никто из этих людей не видел летающих электрических шаров.

Вечером я вышел из-за ограждений в толпу – я думал, что хотя бы тут меня не будут преследовать вспышки видеокамер, но не тут-то было. Люди почтительно расступались, украдкой посматривали на меня, потихоньку щелкали телефонами. Видно было, что они хотят попросить у меня автограф, но не решаются. Кто-то, кажется, хотел спросить, как это, прозрачный шар с искрами – но тоже не решался.

Вот вы так и напишите. И про то, как я прошел мимо толпы и направился в кафе, напишите. Заказал себе сухого вина, хотел заказать и ему тоже, но вовремя вспомнил, что он не пьет. Взял себе мясной рулет со спаржей, хотел взять ему тоже, но вовремя вспомнил, что он не ест. Мы сели в углу подальше от окон – мне не хотелось чувствовать на себе взгляды публики. И ему тоже. Впрочем, его не видели, видели только меня.

И тогда он сказал – если будешь меня защищать, это плохо кончится. Нет, сначала он молчал, глядя в пустоту, а потом вот так сказал. А я ответил, что мне терять нечего, что я в худшем случае без работы останусь, ну да мало ли другой работы на свете, а он рискует погибнуть, поэтому я за него буду горой стоять. А он ответил, что незачем мне так волноваться, он сам как-нибудь о себе позаботится – на что я возразил, что ничего он сам не сделает, если я не сделаю, и без меня он вообще пропадет.

Если вы спросите, как меня зовут, я вам не отвечу, потому что меня еще не придумали. Назовите как хотите. Придумайте мне национальность, год рождения, цвет волос и группу крови. И как его зовут, я тоже не знаю. Иногда вертится какое-то имя на кончике языка – и тут же исчезает. Можете называть его – мой герой. Это я его так про себя зову – мой герой. Именно мой, а не чей-нибудь.

И про это напишите – как чуть погодя он тоже вышел из-за ограждений, и как перед ним тоже расступалась толпа, тоже потихоньку щелкали на телефоны, кто-то подошел, попросил автограф, вы сами придумаете, кто это был, ну пусть будет миловидная девушка, например, подойдет, попросит автограф, захочет поцеловать этого, который вышел из-за ограждений, не решится...

Потом этот, который вышел из-за ограждения, тоже направится в кафе. Он пошел туда не просто так, вернее, сделал вид, что просто так, пообедать пошел, сам устроился рядом со мной, завел разговор, вроде как невзначай, про жизнь... Ну это вы сами придумаете разговор про жизнь, и чтобы ясно было, что он только делает вид, что про жизнь разговаривает, а сам нет-нет да и смотрит, один я или со своим героем.

Я улыбаюсь.

Вежливо отвечаю.

Делаю вид, что героя здесь нет, нет, нет. Я один. Один. Один-одинешенек. Его здесь нет. Нет. Нет. А потом он спросит что-то такое, что мой герой не выдержит, прямо здесь, прямо сейчас (ну вы же напишете это, правда?) вот-вот-вот, и он спросит, и будет смотреть на меня выжидающе, но не слишком пристально – типа, вроде как невзначай спросил, – и будет пауза, секунд несколько, не больше, только каждая секунда растянется лет на тысячу, не меньше. Мой герой будет рваться в бой, я буду удерживать его – за руки, за локти, у нас даже до драки дойдет...

Он эту драку не увидит. Даже не догадается. А потом я отвечу что-нибудь свое, обыденное, и он сдержано улыбнется...

Он...

...у него тоже нет имени.

И ничего нет.

Впрочем, он и сам про себя рассказать может.

А что я могу про него рассказать... Вспоминаю хоть что-нибудь о себе, ничего толком не вспоминается, а нет, вот, было, например... Я скажу ему:

– Ты что творишь? Ты что делаешь, я тебя спрашиваю, ты что делаешь?

Нет, я не скажу, я заору на него – на предыдущего рассказчика. Вот так:

– Ты что творишь, а?

А он изумленно покосится на меня, типа, а чотакова, а я чё, а я ничё...

И я снова заору:

– Ты что творишь?

Он не выдержит и спросит:

– А в чем дело?

Он как должен с Конкордией разговаривать, а? Да он насмеяться должен над этой Конкордией, вроде как вежливо говорит, а сам смеется ей в лицо... про себя...

Слушайте, сложно это, даже не знаю, сыграю я такое или нет...

А я тогда напомним:

За воротами еще четверо стоят.

– Вы же вроде говорили, пятеро?

Тогда я взорвусь, я вообще хорошо умею взрываться:

Слушайте, вы мне тут не паясничайте, или играете, или что...

Потом он будет играть, вы уж напишите, постарайтесь, как он будет играть, как он будет насмеяться над Конкордией, а потом Конкордия что-нибудь ему прикажет, он сделает вид, что выполнил, а на самом деле ничего не выполнит...

Как-то так.

А потом я буду пересматривать, что получилось, это уже потом, потом, тогда-то я увижу, что все эти насмешки, вся эта двойная игра – всего лишь маска, что он раболепствует перед Конкордией, и никого не собирается обманывать... кроме меня.

Он уже сказал, что его никак не зовут, правда, дал имя тому, кого я хочу убить. Он назвал его мой герой, то есть – его герой...

– Какой сейчас год?

Смотрю на человека, меня ожившего, спрашиваю:

– Какой сейчас год?

Триста двенадцатый.

Голос у него низкий, с хрипотцой. Мне кажется, я ослышался.

– Э-э-э... Сто двенадцатый, вы имели в виду?

Он снова повторяет, скалит зубы, зубы у него плоховато сделаны, одной линией, ну да ему зачем, жевать-то уже не надо...

– ТРИСТА двенадцатый.

На всякий случай уточняю:

– Две тысячи...

Уже готовлюсь услышать – три тысячи.

Нет.

– Две.

Осторожно прислушиваюсь к своему новому телу, осторожно двигаю пальцами, поднимаюсь – удивительно легко и быстро. Ищу инструкцию, инструкции нет, это плохо, что инструкции нет, должна быть, а то буду тыкаться как слепой котенок, где зарядить тело, где разъемы, где что...

– Инструкцию мы вам дадим... обязательно...

Спохватываюсь:

– Это... вы меня оживили?

Он кивает:

– Я.

– А вы...

– Конкордия, к вашим услугам.

Конкордия, Конкордия, что-то вертится на языке...

А.

Ну да.

– Вы... от Конкордии?

Смеется, снова показывает зубы:

– Нет-нет, вы не поняли... я и есть Конкордия.

Понимаю.

– С-спасибо...

– Спасибо в карман не положишь.

Снова понимаю.

– Я... отработаю.

– Очень хорошо... ну что же... договоримся. Есть такое дельце...

Это герой, если что. Так вы тоже напишете. И еще вы напишете, как я...

...и еще напишите, как я рвал сценарий. Обязательно напишите. Сначала общим планом – съемочную площадку, операторы, режиссеры, статисты, ну и я, и этот... Потом крупным планом – я листаю сценарий, вчитываюсь, очень крупным планом – как я хмурюсь, потом просто крупным планом – я разрываю сценарий, аккуратно, страницу за страницей, чиркаю зажигалкой, а все уже бегут ко мне...

Ну и дальше напишите. Как этот орал, что вы себе позволяете, как я орал... нет, я не ору, но все равно на повышенных тонах, и думать даже не смейте, об этом и речи быть не может, и этот орет – не нравится, пошел вон отсюда, за забором еще пятеро стоят, и я ору, куда вы от меня, на хрен, денетесь, уже серий дофигища и больше отснято, и этот что-то орет, да ты не один такой, да мы... да я... да вы все... да мы ему... да он нам... да мы ему внешность поменяем, скажем, он операцию сделал или вообще тело поменял, чтобы враги его не узнали... и делов-то... и на хрен ты нам не нужен с закидонами своими...

Вот это напишите. Как я почти поверил, что мне сейчас покажут на дверь, совсем покажут, а потом кто-то главный бегал вокруг нас, хлопотал, успокойтесь, успокойтесь, пойдете обедать, надеялся, что поедем и поостынем...

Или нет, этого не было, все было намного тоньше, я не рвал сценарий, я вообще сам по себе человек неконфликтный, не бывает у меня так, чтобы рвал что-то, орал на кого-то... Так что я по-другому...

Вот вы сейчас спросите – кто я, откуда, как пришел на съемочную площадку, почему решил стать актером, ждете от меня какой-нибудь душераздирающей истории, как в детстве меня спрашивали, а ты кем стать хочешь, а на самом деле кем, ишь чего выдумал, актером, ну ничего, ничего, это пройдет... Еще что-нибудь вам расскажу, про кастинги какие-нибудь, вы нам не подходите, мы вам перезвоним, и не перезванивают...

А я вам ничего не расскажу.

Потому что не знаю.

Не помню.

Отчаянно пытаюсь высосать что-нибудь из памяти, которой нет – нет, потому что меня еще не придумали, про меня еще никто не написал. Так что я не помню...

На съемочную площадку я пришел по очень простой причине – мне нужны были деньги. И не просто нужны, а нужны позарез. Меня отключили за долги – очень давно, около двухсот лет назад – пока меня не вернул к жизни добрый человек, которому нужен был актер для съемок, и я служил ему...

...что он несет, нет, вы послушайте, что он вообще несет. Вы не обращайте внимания, это у него в голове все перемешалось, где явь, где не явь. Я ведь тогда и правда думал, что он уйдет после того, как порвал сценарий, а он не ушел, остался, и правда решил, что за долги на меня работает, и никуда от меня не денется, и вообще...

Да, давайте все-таки дадим нам имена, хоть какие-нибудь имена, а то непонятно, кто есть кто. Меня можете называть Сценаристом, потому что я сценарии пишу. А этого пусть зовут... Актер. Потому что он в сериале играет, вот и Актер. У него есть его Герой. Его Герой. И у меня есть Герой. Мой Герой.

Запомнили?

А вы все это напишете, это совсем-совсем нетрудно...

А сегодня я ограбил магазин. Да-да, это вы тоже напишете, что я ограбил магазин. Вот так вышло, да. Я не хотел. Собирался как честный человек пробить товары на кассе, все как полагается, в последнюю минуту как будто торкнуло что-то, взломал магнитную ловушку, вынес еду просто так, зачем я это сделал, зачем, зачем...

Только потом я понял, что это был не я.

Это был мой герой.

Нет, зря мы это, конечно, затеяли.

Зря.

Вот мы вас просим написать про нас, а чего тут можно написать, если мы сами про себя ничего толком не знаем. Вот снимаем мы сериал... какой сериал, про что сериал, черт пойми. Знаем только, что город далекого будущего, и что по городу летает что-нибудь такое-эдакое, футуристическое, ну вот, например, шар с электрическими разрядами. Знаем про оцифрованные сознания, перенесенные в искусственные тела, знаем про несчастных, которым нечем было платить за мегаватты и тераватты – их отключали, на год, на два, на десять лет, на века и века, пока кто-нибудь не заплатит за них... если найдется этот кто-нибудь.

Еще знаем про Конкордию. Что она есть. Чем занимается, не знаем, можем только догадываться, а мой герой работает на Конкордию, ну и его герой тоже, только его герой, реши-

тельный, безудержный, должен восстать против Конкордии, а мой герой, тихий и осторожный, в жизни против никакой Конкордии идти не будет.

Вы это тоже напишите. Пожалуйста. Напишите, правда? Это совсем не трудно. И еще напишите, как он вызвал меня в кабинет, вот так, ни с того, ни с сего, отчитывал, нет, не отчитывал, тут другое что-то, поставил перед фактом, или я убиваю своего героя, или дверь вон там, за воротами еще пятеро. А я не стал его дослушивать, я ушел, нет, не через дверь, и не через окно, а просто ушел, ну как обычно уходил, исчезал в одном месте, появлялся в другом, это Конкордия мне такой апгрейд устроила, как работает, не знаю. Вот я и ушел, кгда сценарист мне буквально в лицо совал документы, подписывай, увольняйся, или кончай закидоны свои, я разговаривать не стал, исчез из кабинета, появился у себя дома, перевел дух, поискал, чего бы выпить покрепче, я так-то обычно не пью, только от случая к случаю, когда отказаться уже не получится. А тут вот вернулся домой, и сейчас бы прийти в себя, перевести дух, а выпить нечего...

Вот так напишите. И еще напишите, когда я ближе к ночи уже погасил свет, уже разделся, уже лег спать, ну вы сами придумаете, какая у меня квартира, и кровать какая, и наволочка на подушке, и только тут спохватился – этого быть не могло.

Нет-нет, этого быть не могло, это же в сериале мой герой появляется и исчезает, это меня на зеленом фоне снимают, потом видео со мной накладывают на фон, а потом в специальной программе обрабатывают, прозрачность выставляют от ста процентов до нуля... А в реальности такого быть не может. Просто... не может. Так что вы этого не пишите, не пишите, такого не могло случиться, просто не могло. И как я заболел на следующий день и не смог встать с постели, вы тоже не пишите. Ведь я заболел потому, что вчера исчез в кабинете и появился дома, а со мной этого не могло случиться, просто, не могло, так не бывает, в настоящей жизни такого не может быть.

Камера, мотор...

Дубль третий...

А давайте я вам расскажу, как Актер к нам пришел. Сюда, на съемочную площадку. Нет, никакого кастинга не было, да к чему нам этот кастинг, я с самого начала знал, что моего Героя будет играть Актер, потому что я списывал Героя с Актера, если что, это сын мой – Актер, я смотрел на него и придумывал Героя.

А теперь он убивает моего Героя. Он. Актер.

И я не позволю ему это сделать.

...и всё было не так, слышите вы, все было совсем-совсем-совсем не так, никакой я ему не сын, и ничего он с меня не списывал, потому что сначала появился он, Герой, а потом он ожил, и стал я. Я не совсем Герой, ну, потому что меня перебросило в этот мир, большой, настоящий, и я здесь стал не совсем таким, как в сериале.

Вы обо всем, обо всем об этом напишете.

Обязательно.

Пожалуйста.

И вот еще что напишите, обязательно-обязательно. Как за мной гнались. Это было вечером в понедельник, год не знаю, число не знаю, ничего не знаю – просто вечером в понедельник. Съемки приостановили, это вы тоже можете написать, напишете выдержку из газетной статьи какой-нибудь, фанатам сериала (ну тут вы название сериала придумаете) еще долго ждать продолжения, съемки приостановлены из-за конфликта сценариста и актера, исполняющего главную роль. Ну, тут на место сценариста и актера надо наши имена вставить, какие вы там при-

думаете нам имена и фамилии. Потом парочку фраз из интервью со мной и со сценаристом или парочку фраз из наших страничек в Твиттере или еще что-нибудь такое.

Ну и вот. Вечером в понедельник съёмки приостановили, тогда же за мной гнались. Их было штук десять, не меньше, по воздуху, по воздуху, сияющие шары, охваченные электрическими искрами. Я еще надеялся, что меня хотят арестовать, просто арестовать, на всякий случай скрылся от них – не тут-то было, два выстрела чуть не стоили мне жизни, я понял, что меня хотят убить.

То есть, не меня.

Его.

Моего героя.

Вот это напишите. Как они выискивали его с помощью каких-то уникальных технологий, высматривали в толпе прохожих, в чьей голове прячется его сознание (в моей! В моей!), стреляли на поражение...

Стоп.

Не пишите это.

Нет-нет-нет, не пишите.

Потому что этого не могло быть, просто не могло быть, в самом-то деле, как это может быть, чтобы здесь, в нашем мире, за мной гонялись и хотели убить.

Так что про это не пишите.

Этого быть не могло.

А вот было.

И еще напишите, как через пару дней встретились на съемочной площадке, и я хотел спросить, а что случилось, как это так за мной гнались, а Сценарист хотел ответить, что ничего не знает, какая погоня, за кем погоня, от кого погоня, да вам показалось, наверное, да быть такого не могло... Только я ничего не спросил. А он, соответственно, ничего не ответил. Вот вы это обязательно напишите, что я ничего не спросил, но хотел спросить, а Сценарист точно так же готовил свой ответ, но не ответил.

Сценарист.

Наливаю себе кофе.

Это, вроде бы, я.

Размешиваю.

Нет, это не я, я буду по часовой стрелке размешивать, а не против.

Намазываю хлеб.

Это, вроде бы, я.

Хотя...

Чем намазываю?

Сыром. А я сыр не ем. Так что это тоже не я.

Хочу вызвонить актера, набираю сообщение, спохватываюсь – это тоже не я, я бы позвонил, это он пишет...

Черт...

Отчаянно пытаюсь сообразить, где я сам. Хватаю из шкафа рубашку, смотрю, как я буду её надевать, да, вроде так я рубашки надеваю, хотя нет, что я несу, я вообще рубашки не ношу, это все он...

Он.

Мой герой.

А где же я, я-то где, ищу, не нахожу, меня почти не осталось, да был ли я, может, с самого начала не было никакого меня, а был только мой герой. Вот вы это тоже напишите, в первой

главе покажите меня, во второй главе – меня и чуть-чуть моего героя, где-то к середине книги – середка на половинку, потом все больше героя, все меньше меня – и вот до последних глав, до этого момента, когда я стараюсь хоть что-то сделать по-своему, по-сценаристовски, а все получается по-моемугеройскому... Но вы это так напишите, чтобы с одной стороны вроде сначала я, потом мой герой, и в то же время чтобы где-то там на глубине чувствовалось, что никакого меня и не было, что я ВСЕГДА был своим героем, а все то, что я считал собой – это наносное, от воспитания там, еще от чего, и слетит как шелуха под порывом ветра...

Вот вы так напишите.

Это очень просто.

А Актер хочет убить моего героя.

А значит, убить меня.

И я не позволю ему сделать это.

А это вы не пишете. Про то, что случилось вечером, в конце съемок, камера, мотор, дубль какой-то там, я видел Героя – своего Героя, и Актер видел Героя – своего Героя, так ясно и отчетливо, что я видел его тоже. Тут вы придумаете, что делал герой по сюжету, мир там спасал или убегал от врагов или ненадолго поспорил с друзьями или еще что. И в этот-то момент оба героя объединятся, сольются в одного – на какие-то доли секунды, но этого нам будет достаточно, чтобы понять, что все наши споры яйца выеденного не стоят, что оба наши героя на самом деле один и тот же персонаж, настолько многогранный, что мы приняли его грани за разных людей. Нет, вы это не пишете, этого не было, не было, просто... просто, потому, что быть не могло.

Актер.

Знаете что?

А вы пригласите нас в гости, а?

Это метод такой есть у писателей – пригласить своего героя в гости и с ним поговорить. А вы нас пригласите. Пожалуйста. Только по отдельности, а не всех сразу, а то мы поубиваем друг друга. Вы там придумайте, что кто из нас любит, кому что на стол поставить. Я вот про мясной рулет говорил, например... Ну и подумайте, как мы войдем, куда шляпу повесим или пальто, куда сядем, как будем чашку держать... Ну и, конечно, вы нам вопросы зададите, кто мы, откуда родом, где росли, как пришли в мир кино, и все такое. А мы вам расскажем. Вот так вот у нас книжка и получится... про нас... Есть еще такой прием – интервью с персонажем. И визуализация персонажей. Много приемов есть.

Сценарист.

Вы только не пугайтесь пожалуйста, ничего сложного тут нет, честное слово. Это только кажется, что тут все сложно, на самом деле ничего такого трудного. Напугал я вас, да, напугал, когда начал говорить про себя и про героя, ну что поделаешь, если все так сложно у нас.

А вы про нас все равно напишите. Я вам даже помогу, я даже подскажу, чем занимается Конкордия. Она тела в аренду сдает. И отнимает за неуплату. А Герой выдумал подселить в одно тело несколько сознаний, чтобы они жили по очереди или еще как-нибудь. А Конкордии это не нравится, вот так начинается противостояние Конкордии и Героя. А у Актера на этот счет свое мнение, да... Нет, не то, что ему не жалко этих, которые без тел зарезервированные сидят, просто у него на этот счет свое мнение, он мне что-то там впаривал про экономику, про политику, про общество, про долгосрочные прогнозы, ну это вы сами придумаете, почему тела многим душам сдавать нельзя.

Ну вот, в общем-то и все, что мы хотели сказать. Сами же видите, как все просто: вот съемочная площадка, которая незаметно превращается в настоящий город будущего. А за дверями съемочной площадки наш город, обычный, ну вы его тоже как-нибудь себе представите. И дома, в которых мы живем, у Сценариста свой особняк, Актер квартиру где-нибудь снимает или студию...

Да, и вот еще что, финал должен быть, финал, финал, обязательно, куда же без финала, должно же все это чем-то кончиться. А как кончится, мы уже знаем. Пока Актер не слышит, я вам расскажу. Я тут придумаю серию, где Актеру придется поступить как мой герой, а не как его герой – или погибнуть. Или нет, не просто погибнуть, а еще и погубить своих друзей, и вообще весь мир, и вообще... как-то так. Ну вы придумаете, что за поступок будет. И вот, камера, мотор, начали, доходим до этого момента в сценарии... тут нужно что-нибудь пафосное, на крыше небоскреба, например, только нет, это слишком избито, или на вершине скалы над пропастью, хотя нет, это тоже избито, или... ну вы сами что-нибудь придумаете. И вот Актер предпочитает погибнуть и погубить весь мир... Стоп, стоп, это еще что такое, это как, это почему, какого черта в самом-то деле, люди смотрят на распростертое тело луже крови на полу, еще не понимают, еще думают, что это продолжение съемок, а нет, поняли, кинулись к нему, кто-то орет, позовите врача, что-то подсказывает мне, что врач уже не понадобится.

Стоп.

Нет-нет, вы это не пишете, не пишете, и как меня в полиции допрашивали, тоже не пишете. Не пишете, как я говорил, что ничего не знаю про его смерть, не было такого в сценарии, да вы сами посмотрите, вот, герой выбирает, или сделать то-то, то-то или погубить всех, вот он выбрал... черт, я не писал – погубить всех, нет, нет, нет... И как я признался, что нарочно написал это, в сердцах хотел убить своего героя, чтобы он никому не достался – вы тоже не пишете ни в коем случае. И как меня отпустили, тоже не пишете, и как я потом сидел в своем доме (а пусть у меня там камин будет, ладно?) и ждал, когда это случится, ну как, что, если Актер – это Мой Герой, и я – это Мой Герой, и Актер умер, и мой герой умер, то...

(...вы это не пишете...)

(...не пишете...)

(...не...)

Графорайтер

Полная луна поднялась над самой вершиной замка в ту роковую ночь, когда последний из рода Эскалибуров поднялся на башню и раскрыл книгу в переплете из человеческой кожи – книгу, которую нельзя было раскрывать...

...ой.

Из-звините.

Отвлекся.

Итак:

Это случилось в маленьком неприметном городке, в котором, казалось, в принципе не может произойти ничего, выходящего за рамки обыденного. И, тем не менее, именно этот крохотный городишко на долгие месяцы занял внимание всего мира...

...нет, опять не то.

Извините.

А вот:

Райтер.

Его звали Райтер.

Так он мне представился, когда знакомились. Нет, не когда первый раз увидели друг друга, и второй, и третий, и пятый, и десятый, а именно когда оказались с ним с глазу на глаз... (...что я несу, не было у него никаких глаз...)

...и уже было не отвертеться, не отвернуться, не разбежаться, пока-пока, на вариаторе какая-то заминка была – тут и познакомились, и представились друг другу, тут он и сказал:

Райтер.

Его звали Райтер.

Потом оказалось, что первая буква не Эр, а Вэ, вот так – Врайтер, но это уже потом-потом оказалось, когда искал его в каких-то каталогах, в каких-то словарях, и никакого Райтера там отродясь не было, потом набрал в поисковике – книголов, поисковик мне и выдал – Врайтер.

Что я несу...

Нет, не с этого надо было начать, не с этого.

А вот с того, как Райтер вырвал у девушки букет и бросил его в реку.

Что за девушка, не спрашивайте. Не знаю. Честно пытался навести справки, честно ничего не навел. Что за цветы, тоже не знаю, не разбираюсь я в цветах, чего не дано, того не дано. Что за река, знаю, Анаконда, нет, не Амазонка, Анаконда, там, где у вас Амазонка, у них Анаконда. Да-да, вот с этого надо начать, семнадцатое июня, год никакой, у них годов нет, река Анаконда, парочки гуляют на берегу, парень девушке цветы подарил, а Райтер хватает букет и швыряет в реку. Тут, конечно, драка была, не без этого, ну да что Райтеру драка, его вообще сколько раз убивали, ему хоть бы что...

Река Анаконда.

Букет, брошенный в реку.

И не спрашивайте, зачем. Не знаю. Райтер знал. Только Райтер уже ничего не скажет.

Потому что.

И не с этого надо было начать, не с этого, а...

Томным знойным вечером они встретились на берегу под сенью пальм – первый раз после многолетней разлуки, когда...

...нет, не то.

Воины выступили на рассвете, когда солнце только коснулось вершины Горы-Над-Которой-Не-Пролетит-Птица-А-Если-Пролетит-То-Ослепнет. Та-Чье-Имя-Нежнее-Полуночного-Тумана смотрела им вслед, пока крыльница не скрылась за поворотом...

...крыльница, ну да, крыльница, у них не кони, у них птицы...

...и опять не то.

Взмах.

Взрыв.

Кувырок.

Мир летит куда-то в тартарары, еле успеваю вцепиться в остатки пожарной лестницы.

Взгляд – вот он, мой враг, затаился за трубой, целится в меня.

Прыжок – перелетаю на соседнюю крышу, кувыркаюсь, целюсь...

– Пли!

Враг падает, сбитый выстрелом...

...и не так. Да что ж такое, все не то, все не так, я же свою историю рассказать хочу, свою, а опять лезут какие-то чужие. Да где я её возьму, мою историю, мне её взять неоткуда, нет её, истории моей, в варианстве все есть, а моей – нет. Значит, надо сочинять с нуля, а с нуля сочинять я не умею, что бы там про меня не говорили – не умею я с нуля. Я же ничего не придумываю, я только записываю, что вижу.

Так про что я хотел рассказать...

Про Райтера.

Который Врайтер.

Первый раз мы пересеклись в реальности номер семнадцать/дробь восемь А, если вам это о чем-нибудь говорит. Тогда я вообще не понял, кого именно или, вернее, что именно я встретил, тогда мне было не до него, я смотрел на Удачу, она должна была победить на скачках, но не победила, сломала ногу перед самым финишем. Тогда подошел Каруас, это её... гхм... хозяин? Тренер? Инвестор? Не знаю... Я ожидал чего угодно, только не того, что случилось, что он застрелит её, вот так, в упор, двумя выстрелами, в оба сердца, сначала в человеческое, потом в лошадиное...

А ведь она его любила.

Его.

Каруаса.

Своего... не знаю, кто он ей там был.

Я сам был в шоке, что поделать, я никогда не знаю, чем закончится история. Я не вижу финала. Я и начала-то не вижу, иногда только пульсирующую красную линию в хитросплетении варианства. Нет, на самом деле она никакая не красная, это мне специально сделали опцию такую, чтобы видел истории в красном цвете.

Тогда первый раз увидел его, он сидел через два места от меня, еще кивнули друг другу, типа, вон оно как бывает. Уже потом задним числом спохватился, задумался, – а кого, собственно, я видел.

Потом заметил его второй раз в каком-то крестовом походе, стояли с ним на крепостной стене, смотрел на лучников, мы лучников видели, они нас нет, – вот тогда-то я первый раз посмотрел на него как следует.

Сказать, что я удивился, значит, ничего не сказать. У меня просто в голове не укладывалось, что я не один такой.

Почему я не убил его тогда?

Так все очень просто.

Не получал я такого приказа – убивать.

Кивнули друг другу, как недавние знакомые, и все.

Он был в нескольких шагах от меня – он еще не видел меня, заметил только через несколько секунд, и этих секунд мне хватило, чтобы крепко сжать его горло и повалить врага на мраморные плиты пола. Мой противник оказался сильнее, чем я думал, я уже не ожидал, что смогу его одолеть, так отчаянно бился он под моими руками – прошло словно несколько вечностей подряд, прежде чем тело подо мной забилося в конвульсиях и безвольно обмякло. Я обернулся, почти физически чувствуя на себе чей-то взгляд – каково же было мое изумление, когда я увидел за своей спиной... своего врага, которого только что убил. Он целился в меня из какого-то неведомого мне оружия своих веков и тихонько посмеивался, будто говорил – ну что, взял?

...из-звините.

Да что ж такое, это опять не моя история, опять не моя, я же свою историю хотел рассказать, а не чужую, а все чужие вылезают. А моей истории нет еще, её придумывать надо, а я в жизни никогда ничего не придумывал...

Нет, я, конечно, запрос посылал, и не один, и не два, спрашивал – что делать.

Ответа не получил.

Оттуда, из центра, ничего не сказали.

Оттуда после трехтысячного года вообще ничего не говорят.

Так что убивать я его не стал, и он меня тоже убивать не стал, видимо, тоже куда-то послал запрос, и ему тоже убивать не велели.

Он просыпается.

Это мне Райтер сказал.

Я еще хотел спросить, кто он – не спросил, сразу понял, о ком идет речь.

О нем.

Мириады темных вероятностей, в которых проблескивают красные нити – истории.

Нет, не с этого надо было начинать, не с этого, а с того дня, когда встретились в тридцать каком-то там веке, посреди огромного мегаполиса, ждали истории, истории не случилось, но черт возьми, все датчики только что буквально орали, что история будет.

А истории не было.

Сели на крыше какого-то понаворочанного ресторана, заказали что-то немыслимое, и пить нельзя, и не пить нельзя, там-то я и сказал:

– Что-то происходит... с ним.

А потом уже Райтер сказал мне:

– Он просыпается.

Нет, не с этого надо было начинать, не с этого. Хоть бы я сказал сначала, кто такой я, кто такой Райтер, а я...

А я...

А кто я...

Меня зовут Графоман.

Модель двести семьдесят восемь.

У меня так в инструкции написано. Модель двести семьдесят восемь. В случае поломки материальных деталей требуется замена. В случае сбоя программы обратитесь на сайт разработчика.

Материальные детали сам себе меняю, программа, к счастью, еще не сбивалась. Подумал, что сбилась, когда датчики обещали историю в такой-то реальности, в таком-то городе, в такое-то время, а истории не оказалось. Бросился к Райтеру, у него тоже орали датчики, а истории не оказалось, ну, значит, дело не во мне, а в...

А в...

А...

В...

Нет.

Даже и думать не хочу, что что-то случилось с реальностями.

А ведь случилось.

И тогда я сказал:

Что-то происходит... с ним.

Нет, еще не тогда, не тогда, еще пару раз до этого видели, как надрываются датчики, показывают время, место, реальность, мы мчались туда со всех ног, там ничего не было, совсем ничего, хоть бы зарисовка какая-то, хоть бы событийка какая – нет, ничего.

Я так и не знал, как я должен был относиться к Райтеру, убить его, или хотя бы не пересекаться с ним, а то получалось, что мы с ним записываем одни и те же истории, одни и те же книги. А может, наоборот, надо было держаться вместе, это вообще удобно, держаться вместе, меня вот тогда убили на войне, прострелили голову, голову, это совсем плохо... Ждал помощи от центра, а центр молчал, он вообще давно молчит...

...очнулся на перепутье времен и реальностей, Райтер допроверял мою память, кивнул мне, как старому знакомому, потом ушел в какие-то миры, прежде чем я успел поблагодарить его.

Ну да.

А в центре ничего не сказали.

Я был там недавно, и снова ничего не сказали, вообще ничего, сидели за столами и молчали, я смотрел в их пустые глазницы, трогал истлевшие кости – они не отвечали.

А потом Райтер вырвал у девушки букет цветов и бросил в реку.

Анаконда называется.

Драка была, ну к дракам Райтеру не привыкать.

Я даже не спросил его – зачем.

Я догадался.

Зачем.

А до этого Райтер сказал мне:

– Он просыпается.

– Думаешь?

Знаю. Меняются реальности, меняются истории... он просыпается... он думает... он делает что-то...

...он медленно раскрыл свои огромные желтые глаза и посмотрел на стоящих перед ним – на какие-то доли секунды, а потом стремительно бросился на оторопевших путников. Майк даже не успел отскочить, был моментально растерзан чудовищем, тогда как мне повезло чуточку больше – я затаился за камнем, молясь, чтобы меня не заметили...

Из-вините.

Опять не то.

Опять.

Опять не про меня.

А вот про меня, вот, специально для вас нашел:

– Ну, вот представьте себе... вот это начальная точка всего... большой Взрыв.

– Так.

– А вот конечная точка, смерть вселенной.

– Так.

– А вот между ними временная линия... все события... Наполеон на Россию пошел... Гагарин в космос полетел... Везувий извергается... Трилобиты ползут...

– Ага.

– Это одна реальность. А вот реальность ветвится на две. На три. На десять. На сто. На миллион...

– Ну-ну.

– Вот все реальности, все события всех времен...

– Так.

– А вот скажите, сколько из них по-настоящему интересные? Ну... чтобы не просто так, улица, по ней люди идут, а чтобы по-настоящему что-то интересное происходило?

– М-м-м-м...

– Так сколько?

– Много.

– А как их увидеть?

– Ну... думать надо.

– Вот-вот, я тоже думаю, думать надо, индикатор какой-то надо встроить, чтобы истории фиксировал... и туда, где интересное что-то, графомана этого отсылать, пусть записывает...

Так все начиналось.

Ну да.

А его звали Райтер.

Нет, не на Эр – на Вэ, так в каталоге написано – Writher.

Это Райтер мне сказал.

Там.

На руинах мертвого города в последние дни существования цивилизации. Снова пришли по зову датчиков, уже ни на что не надеялись – и верно, истории не было, а потом появилась, но совсем не та, которую мы ждали, короче, датчики можно было нести на помойку...

Вот тогда Райтер показал мне фотографии вариантства, как есть, от Большого Взрыва до конца вселенной, развернул на запыленном столе в заброшенной высотке, спросил:

– Ничего не напоминает?

– М-м-м-м...

– А если подумать?

– Э-э-э... на мозги похоже... и красные линии, истории мечутся... как нервные импульсы...

Ну ты молодчина, голова у тебя работает... думал, не догадаешься, еще двадцать раз тебе втолковывать придется...

– Что втолковывать?

– Что это мозг.

– Ч-чей мозг?

Он посмотрел на меня недоуменно, типа, я-то откуда знаю, чей-то мозг, где-то там, в какой-то реальности, куда нам нет доступа, там много таких мозгов, мы никогда их не увидим, мы видим только свой мозг, вот этот вот, да и то не мозг, а только мысли, которые мечутся в этом мозгу...

Мы не договорили, старая высотка рухнула, мы успели вырваться из этой реальности в последние секунды, когда потолок уже готов был лечь на наши спины, вырывались бегом, второпях, некогда было выбирать времена и миры, разбежались кто куда, а потом я не видел его долго, очень долго, годы, наверное, уже начал сомневаться, жив ли он.

Райтер.

Я ничего про него узнать не успел, только одно – его звали Райтер. А ведь Райтер не просто Райтер, где он живет, что любит, что ненавидит, чем интересуется, что ест... Уж на что я не вправе что-то выбирать, я же машина, что с меня возьмешь, и то люблю фантастику и войны, а всякие там любовные истории терпеть ненавижу, уже научился узнавать всякие научные открытия и войны всякие, открытия – по едва заметной вибрации красных нитей, а войны там, где красные нити нагреваются. Вот туда я хожу, а по другим красным нитям не хожу... И Райтер, наверное, что-то любит, что-то нет...

...что я говорю, какие красные нити, к тому времени уже давным-давно не было никаких красных нитей, истории метались в пространстве вариантов, как бешеные, я не успевал их ловить. Вернее, не истории в пространстве, а мысли в его мозгу... в чьем мозгу – я не знал, этого никто не знал, мы не могли выбраться туда, за границы нашей вселенной. Тем более странно было, когда Райтер сказал мне:

– Он людей убивает.

Вот так – ни здрасьте, ни как дела, увидел меня после многолетней разлуки в каком-то мире, где никогда не было людей, на какой-то планете, где были города, вот так, людей не было, города были, я не понимал, откуда, зачем, почему – тут я снова встретился с Райтером, он вышел из высоченного храма и сказал:

– Он людей убивает.

– К-кто?

Этот... – Райтер сделал руками всеобъемлющий жест, я понял, что речь идет про этого, в мыслях которого мы живем.

– К-каких людей?

– Ну... не людей... а сородичей своих...

– А ты откуда... зна...

– ...мысли его смотрел.

Я смотрел на него, я не мог поверить себе, как он вообще до этого додумался, не просто прочитал мысли, еще и систематизировал, еще и разобрался, о чем думает этот... этот... ЭТОТ...

– Он там большой пост занимает... там... – Райтер показывает пальцем в небо, – руки у него в кровищи... та еще сволочь... точно тебе говорю...

Я смотрел на него, я не понимал, зачем он это говорит, зачем, зачем нам это знать, что живем в голове у какой-то сволочи, зачем...

– Убить его надо.

Помню, что даже не вздрогнул, даже не понял сначала, как, почему...

– А... а мы куда?

Он сделал неопределенный жест рукой, потом начал что-то доказывать, что или мы, или люди там, в большом мире...

– Не... не убивать...

Это я потом сказал Райтеру.

Не убивать... мысли его поменять как-нибудь...

Как именно – как-нибудь, я не знал, только чувствовал, что Райтер что-нибудь придумает.

Обязательно.

Он и придумал.

Когда вырвал у девушки букет и бросил в реку.

Я даже не стал спрашивать, почему, зачем, как – я знал, что Райтер знает, что делает. Это уже потом я начал аккуратно спрашивать, а что, а как, а почему так, а может, я чем помочь смогу...

Это он потом уже посмотрел на меня придиричиво, будто думал, а можно ли мне доверять, развернул свои записи, схемы, чертежи, сказал...

...ничего он не сказал, потому что я...

Он был в нескольких шагах от меня – он еще не видел меня, заметил только через несколько секунд, и этих секунд мне хватило, чтобы крепко сжать его горло и повалить врага на мраморные плиты пола. Мой противник оказался сильнее, чем я думал, я уже не ожидал, что смогу его одолеть, так отчаянно бился он под моими руками – прошло словно несколько вечностей подряд, прежде чем тело подо мной забилося в конвульсиях и безвольно обмякло...

Да, это про меня.

И про него.

Да, это моя история.

И его история.

– Ну, знаете, бывает такое... мысли выходят из-под контроля.

– Это как?

– Вот так... в каком-то потоке мыслей заводится не просто жизнь... а жизнь разумная... и иногда эта разумная жизнь вырывается за пределы своего времени и своей реальности...

– Удивительно.

– Не-ет, это еще повседневность... а вот если это жизнь, вырвавшаяся на свободу, начнет анализировать мысли своего хозяина, а то и влиять на мысли...

– И что тогда? Лекарства какие-то есть?

– Да нет, не лекарства... тут сложнее всё... тогда хозяин мозга сам становится мыслью, входит в свое сознание... и убивает того, кто влияет на его разум... Хотя... у этих освободившихся мыслишек тоже свои способы защиты есть...

Как от улицы Фонаря, так до Рассветной

У него было мое лицо.

Я это случайно увидел, – собственно говоря, я вообще не должен был этого видеть, наше дело было сложить умерших в яму и забросать землей, нам даже лопаты выдали для такого случая. Мы должны были закопать их здесь, на маленькой улочке, а потом вымостить её камнем, и еще цветов посадить на клумбе, и все будет хорошо. Нам не надо было смотреть на трупы, вообще никто не хотел на них смотреть, случайно так получилось, я переносил умершего, потащил его подмышки, а платок сорвался с лица, тут-то я и увидел. Сначала даже не узнал, потом уже, когда мостили улицу, спохватился, торкнуло что-то – это был я.

Меня расстреляли на рассвете.

Как-то обыденно расстреляли, без барабанного боя и пафоса, просто вывели на задний двор, поставили к стенке, командир дал солдатам приказ – пли. Мне даже повязку на глаза не дали, даже не связали руки за спиной, вот это меня больше всего поразило. Это было на рассвете, потом я пошел на работу – мне не терпелось рассказать кому-нибудь, как меня расстреляли, но что-то мне подсказывало – говорить об этом нельзя.

У нас здесь была городская ратуша, а у них там была тюрьма – это я уже потом догадался. Там, в здании, во двор которого меня вывели, и даже не дали повязку на глаза.

А сегодня перекрыли центр города, как от улицы Фонаря, так до Рассветной – нам ничего не объяснили, как, почему, зачем, просто перекрыли и всё. Там что-то происходило, хлопали выстрелы, кажется, даже взорвалось что-то – но нам ничего не сказали.

Наутро я снова пришел туда, где меня расстреляли – но в это утро меня не расстреливали. И на следующее утро. И на следующее. Позже я подметил, что меня расстреливали по пятницам – выводили в тюремный двор, и командир говорил своим солдатам – пли. Что странно – одет я всегда был по-разному. Пару раз солдаты увидели меня – первый раз, когда это случилось, у меня душа ушла в пятки, я думал, меня тоже прихлопнут – нет, они убили только того меня, который стоял у стены.

В августе нас снова повели закапывать трупы, я снова не удержался, посмотрел в лицо умершего, свое лицо, – только на этот раз не получилось сделать это тайно. Бригадир заметил, что я смотрю в мертвое лицо, забормотал что-то, что если не хотите, можете не закапывать, да кто ж знал, что вы тут...

Я хотел спросить у него, почему я – тут, но он отвернулся, он не хотел говорить.

В этом месяце еще два раза перекрывали улицы, там стреляли, но я не знал, кто и в кого.

Когда я вернулся домой, я был уже дома. Я вошел в квартиру и оторопело уставился на себя, сидящего в кресле. Я встал с кресла и пообещал, что уйду, когда пробьет полночь.

В пятницу я хотел прийти в тюремный двор, но улицу перекрыли – как будто догадывались, что я хочу сделать. В следующую пятницу я снова пришел туда – но на этот раз в тюремном дворе никого не расстреливали. А на следующую пятницу я и вовсе не смог найти тюрьму и тюремный двор – реальность смеялась надо мной, она понимала, что я задумал.

Но на следующий день нас повели закапывать умерших – и у одного из них снова было моё лицо...

Третий Дрим

Облака.
Здесь.
Совсем рядом.
Если это облака, а не что-нибудь, какая-нибудь пена морская...
Ульма не видит.
Не понимает.
Челнок тоже не понимает.
Добротный челнок, умный челнок, еще отец Ульмы челнок этот делал, сыну передал.
А теперь вот смотрит челнок на бесконечную полосу облаков – и не понимает.
Двести километров.
Это челнок говорит.
Умный челнок.
Вот и говорит.
Ульма не верит себе, Ульма пробует на языке такое странное, такое непривычное – двести километров.
Не двести миллиардов. Не двести тысяч. Не тысячи.
Двес-ти.
Километров.
Не световых лет, нет.
Ульма хочет протянуть руку, коснуться обетованной земли, кажется, её можно достать рукой.
Спохватывается.
Сжимает штурвал.
Сто пятьдесят километров.
Челнок проваливается в белесый туман.
Люди ждут.
Народ Ульмы ждет. Где-то люди недовольно перешептываются, на кой поставили сюда этого юнца, вот старый штурман был что надо, а этот чего...
Ульма сжимает зубы.
Ведет челнок.
Челнок умный, челнок сам себя вести может.
Пятьдесят километров.
Ульма пытается разглядеть хоть что-то за бесконечной пеленой тумана – не может.
Двадцать...
...больно сжимается сердце, кажется, что там, внизу, вообще нет никакой земли...
...десять...
Хр-р-есь-гр-р-ох-х-х-х...
Ульма просыпается, подскакивает на постели, растирает виски. Нет, не Ульма, не Ульма, какой Ульма, – прапрадед Ульмы, он про Ульму до сегодняшней ночи и не знал...
Жена поднимается на постели:
– А что такое?
Прапрадед трясет головой, пытается отогнать наваждение. Спохватывается:
– Нельзя туда... нельзя...
Жена хочет спросить – а что будет.
Не спрашивает...

– Осторожнее!

Смотрю на своего напарника, сдурел, что ли, по руке меня хлопать, щас нажму что-нибудь не то, улетим куда-нибудь не туда...

Напарник поясняет:

– Сон чуть не придавил.

Меня передергивает, этого еще не хватало, придавить сон.

– Кто ж так двери-то закрывает... еще сон придавишь...

Смотрю на экраны, где он, этот сон, где-где-где, а вот он, в жизни бы не подумал, что в этом коридоре могут быть сны...

А вот же.

Сны.

Жду, когда сон просочится в дверь.

Закрываю – одним нажатием рычага.

Думаю, надо сделать какие-нибудь лазейки для снов, понять бы еще, какие...

А, ну да.

Полный назад.

Юмми бежит.

Бежит босиком по раскаленному песку, не чувствует боли – здесь уже не до боли, ни до кого, ни до чего, здесь осталось одно-единственное – бежать, бежать, бежать.

Там стреляют.

Сзади.

Юмми не слышит, Юмми заставляет себя не слышать, крепче сжимает руку сына, руку живую, горячую, только не упустить, только не потерять, только не...

Бежит Юмми.

И все бегут.

Как будто можно убежать от разъяренного императора, от императорских солдат. Никак нельзя убежать – пришел император, злой император, издалика император, – пал город, последний оплот некогда благодатных земель, никого не щадят враги – ни детей, ни женщин, ни...

Юмми бежит.

Раскаленный песок под ногами.

Все бегут – кто еще остался в городе.

А позади император – ух, злющий.

Юмми спотыкается, падает на песок, хватает сына, понимает, спасения нет...

Дрожит небо.

Земля дрожит.

Тучи вспыхивают раскаленным пламенем.

Люди падают ниц.

Юмми падает ниц.

Ночь становится светлее самого светлого дня.

Что-то раскаленное с оглушительным ревом и грохотом опускается на горизонте где-то там, в пустыне. Там, где остановился император со своим войском, с самыми верными, с самыми приближенными...

Что-то случилось – здесь, сейчас, люди еще не могут понять, что...

Юмми срывается на крик – до хрипоты:

– Убили императора!

И все – от мала до велика – кричат:

Убили императора! У-би-ли!

Замерли вражеские войска, ступевались в растерянности. Еще не верят, еще не понимают, что уже – всё...

– Пи-ить!

Тише ты.

...Юмми прячется среди руин.

– Пи-ить!

Это сын.

Юмми шипит на сына, где я тебе пить возьму. Сын не понимает, сын вырывается, бежит на улицу, бросается кому-то под ноги, кому-то чужому, незнакомому, тянется к фляге на поясе чужака...

Юмми смотрит, Юмми не понимает, никогда не видела, чтобы лица у людей были розовыми...

Эт просыпается.

Хочет встать – вспоминает, хватается за сон, вот он, вот он, вот он, было же, было же, было, вспомнить бы еще, что было...

А вот.

Юмми.

Эт знает Юмми, Эт много раз видел Юмми, вот так, во сне.

И все видели Юмми.

Только не знали, откуда Юмми, где Юмми, почему Юмми.

А вот теперь знают.

Юмми.

Там.

Впереди.

Полный вперед.

Нет, это не сразу, конечно, полный вперед. Это еще сколько челнок замедляться будет, а потом сколько еще челнок разгоняться будет в другую сторону, сколько, сколько...

Ну да это ничего.

Это дело времени.

Остановятся.

Разгонятся.

Тут делов-то на одно поколение, еще не успеют умереть те, кто видел сны про Юмми. А может, еще дети их сны про Юмми посмотрят, – кто их знает, эти сны, говорят, они долго жить могут...

– Ненавижу тебя! Ненавижу! Ненавижу!

Это Лиза. Или Эльза. Или Кэтти. Или еще кто. Он вглядывается в сон, он пытается вспомнить имя женщины – не может.

А женщина срывается на крик:

– Ненавижу тебя! Ненавижу!

Луг, залитый солнечным светом.

Солнце.

Не как на картинках, а настоящее. Он почему-то помнил, что солнце меньше, а оно вон тут какое.

Солнце.

Запахи – какие бывают летом на лугу.

И Лиза. Или Эльза. Или Кэтти. Или еще кто:

– Ненавижу тебя!

Он бормочет что-то про заработки, про долго-мы-с-тобой-еще-в-этой-разва-
люхе-ютиться-будем, – она не слышит, она ненавидит, ненавидит, ненавидит.

Она останется.

Он уже знает – она останется.

Джеки просыпается.

Ловит сон за кончик хвоста. Отчаянно пытается вспомнить имя – не может, не может,
не может. Имя осталось там, он толком не помнит, где, он только знает – там, там, у того берега,
от которого когда-то отчалил челнок.

Джеки спускается в архив, наталкивается на очередь, – сегодня все спускаются в архив,
сегодня все хотят вспомнить, что было там, там, у того берега. Архив молчит, – нет, не совсем
молчит, выдает какие-то цифры и факты, архив ничего не скажет про луг, залитый солнечным
светом, и про Кэтти, и про – ненавижу тебя, ненавижу, ненавижу.

И у всех от мала до велика срывается с уст:

– Кэтти.

Ну, или там Лиза, или Эльза, или еще как.

И – по всем отсекам, по всем коридорам, по всему челноку клич:

– Полный наза-а-а-ад!

Кто-то, правда, еще возразить пытается, ну вы сами посудите, какая Кэтти, откуда Кэтти,
почему Кэтти, это когда было – Кэтти-то, а мы когда, – мы-то, от Кэтти и косточки истлели,
и память сама, и...

Его не слушают.

Потом его пристрелит кто-то, потом будут искать – кто пристрелил, так и не найдут, да
и не особо стараться будут искать.

Потому что.

Кэтти.

Пришел рай.

Нет, не на земле.

Во сне.

Пришел осторожно, постучался к людям, люди открыли, люди пустили, люди всегда сны
пускают. А там озеро, прозрачное, до самого дна, и кажется, что лодка плывет по воздуху.
А там еще цветы в человеческий рост. А там еще вода на вкус как вино. И...

Люди просыпаются, сонно потягиваются, вспоминают сон – надо же, какой. было там еще
что-то на деревьях, что-то, что-то, что-то... А, ну да, бриллианты на деревьях росли.

Там.

Там, куда так и не причалил челнок.

Люди встают, на работу идут, ну кто где работает, меж собой переговариваются, видели,
чего, видели, как, бриллианты на дереве, вино в реке...

Ходят.

Переговариваются.

Смеются.

На пульт управления и не смотрит никто. А? Что? Какой полный вперед, окститесь, куда
там полный вперед, смеетесь, что ли...

– В чем дело?

Это она на меня сердится.

Она.

Хозяйка моя.

А я что, а я ничего, а я что могу сказать, ну не получился сон, не получился, кто ж знал, что люди на удочку не клюнут, кто ж знал...

А она все равно сердится, ух, как сердится, плевать она хотела, что там людям понравилось, не понравилось, она жить хочет, а как она теперь жить-то будет, а? Как, спрашивается?

Капитулирующе выставляю вперед руки, спокойно, спокойно, сейчас, сейчас все будет, скорее, скорее клею другой сон, уже неважно, какой, сон не клеится, черт их пойми, людей этих, что им надо...

Ей некогда ждать.

Она убивает меня.

И не говорите, что я не могу этого говорить, что меня уже нет в живых. Я и не говорю, меня уже нет, только тень моей тени, воспоминание воспоминания.

С ней шутки плохи.

С Целью-то.

...просыпаюсь.

Я.

И еще я.

И еще много-много разных я.

Ну а как вы хотели, у каждого человека своё я.

Вот они все и просыпаются, каждый со своим я. Беспokoйно подскакивают на постели, растирают виски, потягиваются, позевывают, вспоминают. Что-то было, что-то, что-то, нехорошее что-то, что-то...

А.

Ну да.

Черная пустыня до самого горизонта.

Черные тени насколько хватает глаз.

И смерть – со всех сторон.

Люди выходят, на работу идут, переговариваются друг с другом, перешептываются, переглядываются, пере... пере... пере... Это что ж будет-то, да оно не будет, оно уже есть, оно там... там... куда причалит челнок, когда вернется домой...

А потом гремит по всему челноку на тысячи тысяч голосов:

– Впере-о-о-о-од!

Но – шепотки, шепотки, шепотки, да как же это... да это как... да почему... да спасти же надо... да там же эта... Эльза... Лиза... Кэти... да ей же там каково...

И опять по челноку – на тысячи тысяч голосов:

– Наза-а-а-ад!

А там:

– Вперео-о-о-о-од!

А тут:

– Наза-а-а-ад!

А там:

– Вперео-о-о-о-о-од!

Звон клинков.

Выстрелы.

Кто-то поскользывается в луже крови, кого-то добивают.

– Виноват.

Сонник смотрит на хозяйку, опускает голову:

– Виноват.

Сонник.

Это который сны делает.

Тяжелая работа, что есть, то есть.

А вот теперь сонник смотрит на хозяйку и говорит:

– Виноват.

Хорошая хозяйка у сонника.

Цель.

Это цель, которая вперед.

Сонник оправдывается, сонник сам не знает, как так вышло, что не послушались люди, не повернули люди, а вон как – одни говорят – вперед, другие говорят – назад.

А цель не сердится.

Вот это вот самое странное.

Не гневается цель.

Смотрит на сонника, ну как смотрит, у цели глаз нет, и лица нет, и ничего нет, а вот – смотрит.

И говорит соннику:

– Молодец.

– Ну а как ты хочешь... цель-то, она как живет?

Смотрю на вражеского сонника, – мда-а, разобрало его винишко, разобрало, надо же как развезло с одного бокальчика...

Пожимаю плечами:

– Ну, так и живет... сны снят...

– Сны-ы-ы... это раньше было, когда цель молодая была, сильная... сейчас-то состарилась цель, сейчас-то мало ей сна, чтобы потом орала – назад...

Меня передергивает. Моя цель орет – вперед.

– Я, вроде слышал, что цель наоборот, чем больше живет, тем сильнее становится...

Бред собачий... так вот... цели надо, чтоб за неё дрались... чтоб умирали за неё, понимаешь? – Только так она сильнее становится...

– Вот те на....

– А ты как думал?

– Да вообще как-то не задумывался... ну цель и цель...

– Не заду-у-умывался он... на хрена только держат таких вообще, не задумывался он... у нас Цель только так зверствует, требует, чтобы идеи ей новые подкидывали... а кто молчит, глазами хлопает, того гонят к хренам собачьим...

Чужой сонник не договаривает, чужой сонник что-то чувствует, что-то видит, быстро с него хмель сошел, побледнел сонник, да что с тобой такое, тебе хоть вино пить можно, друг любезный, или ты сейчас с сердечным приступом свалишься...

Не валится. Показывает в темноту, хочу спросить, что там, не успеваю – понимаю.

Цель.

Только еще не понятно, моя или его.

А нет.

Понятно.

Моя.

Или...

Не...

Его...

Или...

Обе. Обе цели смотрят на нас, углядели, увидели, унюхали, учувствовали, вот они, работнички наши, сидят, винишко пьют, болтают...

Сжимается сердце. Думаю, как это бывает, когда убивают, когда не люди убивают, эти-то меня только так били, а когда убивает цель, это будет новенькое что-то, это я только со стороны видел, вот только что был человек – и нет его, ну разве что звякнет, упадет на пол пряжка ремешка или горсточка монет, один раз зубной протез упал...

Колотится в висках – бежать, бежать, бежать, куда бежать, зачем бежать, как будто на челноке можно куда-то убежать...

– Пойдем.

Это цель.

Моя цель.

Смотрит на меня, говорит:

– Пойдем.

Не знаю, что делает вражеская цель, но, похоже, тоже говорит своему человеку – пойдем.

Расходимся. Цели разрешают нам пожать друг другу руки, откланяться. Отчаянно соображаю, почему цели не убили нас здесь и сейчас, чего они ждут, чего-чего-чего, или еще помучить хотят, или еще что...

Вхожу в покои цели, тут надо что-то говорить, какие-то оправдания, извинения, наскоро сочиняю какую-то неумелую ложь, да я вообще не знал, что это сонник вражеский, да это Кирюха, да мы с ним еще в школу ходили, это когда было-то, сто лет в обед, а тут встретились... Понимаю, что не прокатит, и близко не прокатит, Цель мои мысли лучше меня знает...

Я...

Цель не дает мне договорить, приказывает...

Приказывает...

...вот черт...

Похоже, хмель еще не сошел, да так и есть – не сошел, мерещится мне на пьяную голову невесть что, в жизни бы не подумал...

Переспрашиваю.

Нет.

Никакой ошибки быть не может.

На негнущихся ногах подбираюсь к обиталищу Цели, дрожащими руками беру обиталище, прижимаю к себе – грудь обдает могильным холодом.

– Неси – приказывает Цель.

Несу.

Вот так – по коридорам, по отсекам, люди проходят мимо, оглядываются, кто-то спешит ко мне, бормочет, парень, ты чего, надорвешься на хрен, давай помогу... Хочу отмахнуться, Цель давит на голову – соглашайся давай, еще не хватало, меня уронишь, хоть бы спортом что ли занимался, в самом-то деле... Хочу ответить, что меня нанимали сны делать, а не Цели таскать – не отвечаю.

Доволакиваем Цель до зала, где только что сидели мы с чужим сонником, смотрю, думаю, с ума я сошел или как, когда вижу своего недавнего собутыльника, вот он идет, тащит свою Цель...

Цели велят нам рассаживаться. Хочу поблагодарить помощника, – у Цели свое мнение на этот счет, помощник растворяется в пустоте.

Рассаживаемся. Цели велят нам выпить по бокалу, поспешно отнекиваюсь – цели требуют, цели настаивают, делать нечего, чокаемся, пьем. От волнения даже не чувствую вина, ничего не чувствую, осталась только Цель.

Цель требует.

Цель сообщает.

Не могу передать то, что сказала мне Цель, мне кажется, – ошибка какая-то, нет, никакой ошибки, Цель повторяет – и я повторяю за ней.

Перемирие.

Это слово произносим одновременно – я и он.

И еще – тоже одновременно:

– Общий враг.

Снова прислушиваюсь к цели, что она говорит, быть такого не может, нет, может, так и есть, искать, искать, что искать...

А вот.

Сжимаю зубы.

Так и есть.

Понимаю, что никогда в жизни этого не найду.

Понимаю, что должен искать.

– А вам что снилось?

Спрашиваю – аккуратно, невзначай. Уже понимаю, что ничего я здесь не найду, просто... потому что уже сколько перебрал людей, и никому... никому не снится...

Парень напротив отмахивается:

– Да не пускаю я сны эти.

Давлюсь собственным голосом:

– К-как... не пускаете?

– А так. На хрена они...

– В смысле... на хрена? Они ж вещице...

– Кто тебе сказал вообще, что они вещице...

Поправляю:

– Ну... не все вещице, но где-то есть сны, которые правду говорят... что там... в конце пути...

– Нет там ничего в конце пути.

Вот так.

Как удар грома.

– Нет ничего в конце пути.

– И в начале нет.

Еще один удар грома.

Мысленно киваю про себя, вот оно.

– Надо же... это с чего вы взяли такое?

– Ну... это же очевидно.

– Вам сон был?

– Да какой сон, выкиньте вы эти сны вообще на хрен...

Не верю себе. Не понимаю. Первый раз вижу, чтобы цель приходила вот так, без снов, без всего, вот так...

Цель не верит мне.

Цель не понимает. Как это так, Цель без снов.

Пожимаю плечами, а вот так.

Цель волнуется – первый раз вижу, чтобы Цель волновалась, это совсем дело дрянь, что Цель волнуется.

Получаю новый сигнал.

Опять не верю себе.

А веришь, не веришь, иди и делай.

Ищи.

Ищи, где эта цель, которая сама по себе...

Без снов...

– А нигде.

Это я говорю своей цели:

– А нигде.

Цель не верит, цель не понимает, что значит – а нигде.

– Война будет.

Это цель говорит.

Не знаю, какая – может, моя, может, наоборот, чужая. Сейчас уже неважно, где чья цель.

– Война будет.

Это вторая цель говорит.

И снова – по всем отсекам, по всем коридорам, по челноку —

– Война будет.

Люди поднимают головы, люди прислушиваются, люди не понимают – где война, какая война, почему война – отмахиваются, а-а-а, что нам война, зачем она нам, война, нам и без войны хорошо...

Челнок замедляется. Сначала неуловимо, потом все больше, больше, больше, замирает в черном небе.

Челнок по небу плывет, не по воде.

Замирает.

– Ну, давайте... рассказывайте...

– Ч-чего... рассказывать?

– Да не знаю я, чего, хотите, стишок рассказывайте, хотите, песенку пойте... оценку я за ответы ставлю...

– Ну... состав жизни...

– Очень хорошо...

– Состав жизни...

– ...это мы уже слышали...

– ...организмы... живые...

– Что, прям какие попало?

– Не... разумные...

– Оч хорошо. А еще?

– А еще Цель должна быть.

– Да вы что... ну, вы прям молодец... на пятерку уже поработали, давайте, на шестерку наработывайте... вот вы мне скажите... и прям любая-любая цель должна быть?

– Ага...

– Ой ли?

– А-а-а... нет. Есть одно... исключение...

– И какое же?

– Челнок видели...

– На реке?

– Не... в небе...

– Так-так, интересно... и что же там... в челноке?

– Цель есть...

– А люди?

- А людей нет... были... исчезли куда-то...
- Отчего же... исчезли?
- Ну, не знаю... цель такая...
- Какая – такая?
- Ой, не знаю я...
- Верно, коллега... и никто не знает... ну давайте зачетку... шестерочка вам... с плюсом... еще бы на лекции хаживали, цены бы вам вообще не было...

Ничья ось

- А вы кто?
- А я ось.
- Ось чего?

Нет, не с этого надо начинать, не с этого диалога. Этого диалога вообще не может быть, с кем мне тут диаложничать, я тут вообще один-одинешенек...

А вот с чего.

Ось.

Вот так, на карте, где-то в районе Столпов Творения.

ЗАПРОС №127

Сообщите что за ось в районе Столпов Творения тчк спасибо тчк

ОТВЕТ №127

Ось

Спасибо зпт что воспользовались нашим сервисом тчк

Вот с этого надо было начинать. Это потом уже – отклонение от курса десять процентов, двадцать, тридцать, сорок, это потом уже – сигналы сос в никуда, это потом уже – безумное вращение в пустоте вокруг пустоты.

– А вы кто?

– А я ось.

Разговор сквозь сон, сквозь забытье, если это вообще можно назвать – разговором.

– Ось чего?

– Ничего. Просто ось.

– А... нельзя же так...

– Нельзя?

Вспоминаю какие-то правила геометрии или там чего, сам не пойму.

– Э-э-э... ну... ось, она должна быть для чего-то, вокруг этой оси что-то вращаться должно...

– Да вы что...

Сон.

Ну, конечно же, сон, что это еще может быть.

Отклонение от курса...

...да какое там отклонение, это уже не отклонение, «Токо» вертится вокруг чего-то по орбите, по орбите, понять бы еще, что там...

...а ничего.

Пустота.

Снова посылаю сигнал бедствия – в никуда.

Жду – сам не знаю, чего.

– Давайте я буду вашей осью.

– Не... не...

Хочу сказать – не надо, не могу, сон наваливается, сон проглатывает меня целиком...

ВАМ СООБЩЕНИЕ

Кидаюсь к монитору, настраиваю динамик, слушаю сигнал бедствия, не понимаю, откуда, почему, зачем, не сразу спохватываюсь, что слышу свой голос.

Сигнал бедствия тянется за мной по замкнутому кругу...

– А я буду вашей осью...

Спрашиваю себя, что это, сон или явь, или и то, и другое вместе, или ни то, ни другое, третье что-то, чего вообще не может быть.

– Не... не... не на-до...

– Я. Буду. Вашей. Осью.

– Но... по... по-че-му...

– ...ну надо же мне быть чьей-то осью.

– Но...

Первая космическая скорость...

...нет, не то.

Вторая космическая.

Третья.

Пятая-десятая...

Отчаянно выверяю, с какой скоростью можно оторваться от этой окаянной оси, ничего не выверяется, скорость получается какая-то уж совсем запредельная, попахивает превышением скорости света раз в несколько. Нет, вру, не попахивает, не такая уж и великая скорость нужна, только «Токо» такая скорость и не снилась...

– ...послушайте... а почему вы не можете быть просто осью?

– Как так просто осью?

– Ну, вот так... осью... безо всего...

– Но... так же нельзя...

– Ну, кто сказал, что нельзя, все можно... просто осью... самой по себе... Я вот даже на карте нарисую... ось... просто ось...

Нет, все-таки это не сон, если я могу что-то нарисовать на карте.

Или нет.

Все-таки сон.

Потому что я просыпаюсь, потому что я включаю карту, потому что я отмечаю на ней ось.

И проверяю отклонение от курса.

Отклонение, которого нет.

Вспоминаю, что так и не попрощался с осью.

И вспоминаю еще кое-что.

Разворачиваю карту – ту, самую первую, на которой увидел ось, приглядываюсь к записи про ось, начинаю узнавать свой почерк.

Спрашиваю себя, сколько раз я был здесь, и был ли это я.

Спрашиваю себя, сколько раз пересекал Столпы Творения, сколько раз натыкался на ось – по кругу, по кругу.

Спрашиваю себя, вокруг чего я мотаюсь – по кругу, по кругу, где та ось, надо найти её, надо сказать ей, что можно быть просто осью...

Кэп Кап

Мне сказали, что Кэп подойдет в половине седьмого – но в половине седьмого никакой Кэп не подошел, и, судя по всему, подходить не собирался. Я терпеливо прождал до семи – порт понемногу просыпался, оживал, люди спешили туда-сюда – но Кэпа по-прежнему не было. Я посетовал, что не взял его номер телефона, но тут же спохватился, что в наше время телефоны еще не изобрели, так что номер мне ничего бы не дал. Время потихоньку подходило к восьми, когда я начал волноваться не на шутку: часы на башне показали десять, когда я понял, что меня просто-напросто обманули.

Кэп появился в половине двенадцатого – когда я уже собирался уходить. Он выскочил из подлетевшего экипажа и торопливо поклонился мне. Я многозначительно посмотрел на него, всем своим видом показывая, что жду объяснений – Кэп хотел снова поклониться, но вспомнил, что я его всего лишь его напарник, и ограничился легким кивком.

– Друг мой, вы обязаны меня простить, да что там, вы просто не имеете право меня обвинять, когда поймете, что случилось...

– А что случилось? – осторожно спросил я.

– Чай, друг мой!

– Чай?

– Да не чай, а Ча-а-ай! Вы даже представить себе не можете, какой это был чай, это был всем чаем чай! Кафе Кап оф Ти на перекрестке, божественный вкус...

Меня передернуло – мне показалось, что я ослышался:

– Вы хотите сказать... что... вы всё это время пили чай?

– Да какой чай, какой чай! Это был не просто чай, это был ча-а-а-й... божественный вкус... черный... байховый... с нотками бергамота... Ладно, друг мой, пойдемте, Чаша зажда-лась нас.

Когда я услышал о чаше, то подумал, что Кэп приглашает меня выпить чашку чая – но вскоре я понял, что Чашей называется корабль, на котором мы должны были отправиться в плавание.

– А, ну да, будем знакомы – спохватился Кэп, когда поднялся на борт – Кэп.

– Очень приятно... Форк.

– Отлично, отлично, очень приятно, – сказал Кэп и поспешил на корабль, покрикивая – подня-а-а-а-ть паруса-а-а-а! Полный впере-о-о-о-д! – хотя никого кроме нас двоих на корабле не было.

Я планировал доставить груз в течение недели, однако, у Кэпа на этот счет были свои планы: не было ни одного порта, в котором не останавливалась бы Чаша – и не на час, не на два, а на полдня, не меньше. Кэп уходил на берег, возвращался поздно, в необычно приподнятом настроении, приговаривая – чудесный вкус... божественный вкус...

На седьмом порту мое терпение кончилось – я заявил, что собираюсь пойти в порт вместе с ним. К моему удивлению, Кэп довольно быстро согласился – казалось, он даже обрадовался, что я пошел с ним. Как я и предполагал, Кэп направился в ближайшее кафе – однако, к моему удивлению он заказал себе вовсе не что-нибудь покрепче, а повелел принести все сорта чая, какие только были в кафе. Он пробовал их один за другим, даже не просто пробовал – смаковал, крохотными глоточками, то довольно причмокивал, то наоборот, брезгливо морщился. На корабль мы вернулись поздно вечером, и я осторожно заметил, что, конечно, мне очень понравились наши посиделки, но если груз не будет доставлен в срок, то покупатели будут крайне недовольны.

Кэп клятвенно заверил меня, что подобное никогда не повторится, впрочем, глядя на своего спутника, я не очень-то ему и верил. Однако, как оказалось впоследствии, это были еще цветочки.

На следующий день мне зачем-то понадобилось спуститься в трюм, где лежал груз. Я заглянул в трюм, ожидая там увидеть всё, что угодно, кроме того, что предстало моему изумленному взору – вместо бесконечного ряда брикетов с чаем меня встретила пустота.

Чая не было.

Не помня себя от ярости, я кинулся к Кэпу и застал его на месте преступления – Кэп как раз заваривал остатки чая, наслаждался вкусом.

– Попробуйте, Форк, – кивнул он мне вместо приветствия, – божественный аромат, цейлонский байховый с жасмином...

Моему возмущению не было предела, в первые секунды я даже не знал, что сказать, наконец, прохрипел:

– Вы... вы выпили весь чай!

– Ну а что же с ним еще делать, смотреть на него, что ли? Друг мой, вы меня удивляете, – видеть чай и не пробовать его, ну это ж надо!

Меня снова передернуло:

– Да вы... да вы хоть понимаете, что этот чай мы везли на продажу? За него заплачены деньги, в порту ждут этот чай, а вы...

Я не успел договорить – раскат грома прервал меня на полуслове, Чаша бешено закачалась на волнах, и в какой-то момент мне показалось, что мы сейчас перевернемся.

– К берегу... – прошептал я, – мы должны плыть к берегу...

От волнения я даже не мог вспомнить, что нужно делать во время шторма – вести корабль к берегу или, наоборот, как можно дальше от него. Я надеялся, что Кэп немедленно возьмет командование на себя и скажет, куда направлять корабль. Однако, Кэп не спешил что-то командовать – все его внимание было поглощено чаем. Я уже готов был пойти на крайние меры, а именно – вырвать у него из рук чашку и выбросить за борт – но на мое (вернее, на наше) счастье на горизонте показался очередной порт – вначале я видел его огни, а потом показался берег, большой, белый, сияющий.

– Скорее к берегу! – закричал я, – там таверны! Там чай! Великолепный чай!

Кэп насторожился, как будто задумался, а стоит ли плыть за каким-то другим чаем, когда здесь, в чашке, столько этого великолепия – но интерес к новому чаю взял верх, Кэп сжал штурвал и повел Чашу к сияющему берегу. Однако, ликование мое было недолгим – на подступах к берегу Кэп настороженно принялся и недовольно фыркнул:

– Что это? Однако, что я слышу? Белый чай? С бергамотом? Да я же его терпеть не могу, как вы вообще могли предложить мне такую гадость?

Я не успел ничего возразить – Кэп резко вывернул штурвал и направил Чашу в открытое море. Дар речи понемногу вернулся ко мне, я начал отчаянно доказывать, что мы погибнем среди бушующих волн. Однако, Кэп и слышать ничего не хотел – он вел чашу прямехонько в шторм, не переставая кричать, что его напоили такой гадостью, как белый чай.

– Не беспокойтесь, дорогой Форк, – крикнул мне Кэп, заметив, наконец, мою тревогу, – вы просто не представляете, насколько я виртуозно управляю Чашей, – любой шторм будет нам нипочем!

Вскоре я убедился в правильности его слов – действительно, казалось, чем выше поднимались волны, тем ловчее и виртуознее Кэп поворачивал штурвал. Чаша буквально порхала по волнам, то поднимаясь до самых звезд, то опускаясь в морские пучины, казалось, к самому центру земли. Я уже почти было успокоился, доверяясь Кэпу – если бы не одно маленькое Но:

Сначала мне показалось, что пальцы Кэпа как-то подозрительно подрагивают, потом через пару минут я понял, что не ошибся – его руками овладела нервная дрожь, которая с каждой минутой становилась всё сильнее – и вскоре Кэп уже без сил свалился на палубу.

– Что с вами? – прокричал я, стараясь перебить шум бури, – вам плохо?

– Чай... чай... – захрипел он.

– Да уймитесь вы со своим чаем, вы мне скажите, что с вами?

– Чай... – не унимался он, – мне нужен...

И тут я все понял – разгадка оказалась проще, чем я думал.

– Конечно же! – воскликнул я, – Кап! Кап! Чашка! Вы – чашка, и вам нужен чай!

– Наконец-то... – прошелестел Кэп, – наконец-то... вы... это... поняли...

Вместо ответа я заметался по кораблю в поисках чая, которым мог бы вернуть к жизни своего многострадального напарника – однако, к своему немалому ужасу я не нашел ни одной крупинки чая – Кэп успел выпить все до последней капли.

– Как... как управлять этой штукой? – спросил я, показывая на штурвал, но Кэп только обреченно покачал головой, показывая, что это только в красивых фильмах человек, никогда не державший штурвал, сажает самолет или держит на волнах корабль – а в жизни у меня ничего не получится, если я не учился много лет. Я не знал, чего боюсь больше – что Чаша перевернется, и мы окажемся в бушующих волнах, или что Кап умрет, а может, и того и другого вместе...

Я еще надеялся на какое-нибудь чудо – если вообще существуют какие-то чудеса – но на это раз Провидение сыграло со мной злую шутку, и не прошло и четверти часа бешеного шторма, как Чаша зачерпнула воды и опрокинулась – сам не помню, как я оказался в бушующих волнах на обломках чаши. Одной рукой я вцепился в обломок, а второй сжимал своего спутника, безвольно обмякшего – я не знал, сколько чашка может прожить без чая, но уже не сомневался, что Кап умрет.

Я так разволновался, что даже не сразу заметил странный запах, исходящий от воды – он был знакомый, до черта знакомый, он... он... вот... сейчас...

– Чай! – спохватился я, – это море чая! Друг мой, вы спасены!

Сначала я хотел зачерпнуть чая и поднести к его рту – но тут же я не нашел ничего лучше, чем окунуть своего спутника в чайные волны. Как ни странно, это подействовало – Кэп с жадностью зачерпнул чай, ведь вместо головы у него была чайная чашка.

– Море чая... – прошептал он, – море чая...

Вскоре мы добрались до берега – берегом оказался маленький островок сахара, но и этого нам было достаточно, чтобы обсушиться, забраться на возвышенность и послать сигнал бедствия. Оттуда же – с высокого холма на островке – я первый раз по-настоящему увидел наш мир – огромное море чая с островками-кусками сахара, а на самом горизонте за туманом мне привиделось что-то, напоминающее края чашки. К сожалению, я не успел толком рассмотреть то, что было на горизонте – мое внимание привлек спасательный катер, который направлялся к нашему острову. Я вспомнил про увиденное только когда мы поднялись на борт – и сам не знаю, зачем, посмотрел на Капа, вернее, на чашку на его голове. Каково же было мое удивление, когда я увидел в чашке море чая, островки сахара, корабли и нас самих, плывущих на спасательном катере! Я попытался рассмотреть Капа на катере, есть ли у него в чашке море, а если есть, плавает ли там спасательный катер – но так и не понял, есть ли там что-то или нет, мне казалось то так, то эдак.

Что странно – я должен был не на шутку разозлиться на своего напарника, по милости которого остался без ценного груза – но вместо этого я понял, что хочу продолжать работать с Кэпом или Капом, как ему будет удобно. Об этом я и не замедлил сообщить ему, как только мы сошли на берег. Однако, его ответ меня огорошил:

– Нет-нет, дорогой Форк, об этом не может быть и речи. Мы друг другу не подходим.

– Но... отчего же?

– Мой дорогой Форк! Да вы сами посудите, вы Форк, а я Кап! Да где это видано, чтобы чай в чашке размешивали вилкой!

Несъедобное время

Брегет поднимает циферблат.

Здесь правильнее бы написать – поднимает голову, только нет у Брегета никакой головы, циферблат есть.

Смотрит в темноту вечной ночи. Здесь всегда ночь. И звезды. А дня не бывает.

Смотрит в темноту неба. Небо здесь тоже всегда. И везде. А земли нет. То есть, есть где-то какие-то земли, какие-то дни – далеко-далеко, но не здесь.

Брегет расправляет шестеренки, стрелки расправляет, – тик-тик-тик-так-так-так-тук-тук-тук – летит.

Это у Брегета хорошо получается.

Летать.

Летит Брегет – третий в ряду, поглядывает на четвертого, вернее, на четвертую, еще вернее – на четвертых, золотые часики на цепочке.

Тут все на цепочке.

Друг с другом цепочкой связаны, чтобы не потеряться в бескрайнем небе, в вечной ночи, где одни звезды.

Летит Брегет.

И все летят.

Ищут время.

– Ну, время, оно на месте не стоит, оно движется...

– Ну, еще бы, вроде только встал, а уже полдня прошло...

– Нет, я не про это, я другое имел в виду, тут сложно объяснить... А знаете, где во вселенной больше всего времени?

– М-м-м-м... У нас в офисе вечером в пятницу, кажется, день и не кончится никогда.

– А если серьезно?

– Сдаюсь.

– В черных дырах больше всего времени, оно на черные дыры, как бы это сказать... накручивается, что ли...

Брегет чувствует время.

Нет, не видит, не слышит, не ощущает кончиками пальцев – чувствует. Передает всем – по цепочкам, по цепочкам – время, время, время.

Время.

Жирное время, сочное время, тягучее время, много, много его, несть ему числа. Первый в ряду – матерый будильник, который помнит еще песочные часы – командует:

– Взять!

И по цепочке, дальше, дальше, дальше:

– Взять! Взять! Взять!

И хватают время, подцепляют время, тянут время – наматывают, наматывают на стрелки, сплетают в клубки, больше, больше, больше. Кто-то зазевался, кого-то утягивает в ненасытную глотку черной дыры, кого-то пытаются подхватить – старый будильник отчаянно звенит, отставить, отставить, не смейте, сами погибнете и его не спасете. Брегет волнуется, Брегет оглядывается, кого затянуло, не часики ли золотые – нет, вот они, золотые карманные часики, терпеливо наматывают время...

Брегет успокаивается.

Расслабляется.

Открывает механизм, неторопливо перебирает шестеренки, что-то там не работает, что-то там заело, понять бы еще, что, Брегет не понимает, осторожно смазывает чуть поржавевшие пружины. Надо бы мастеру показаться, только не сейчас, не сейчас, пока еще скрипит, пока еще тикает. Маленькое колесико выскакивает из груди Брегета, ускользает из гибких пальцев, ай, ах, улетает в пустоту – золотая искорка хватает колесико, протягивает владельцу, возьмите, пожалуйста, Брегет смотрит на золотые часики с восхищением, не может вымолвить ни слова.

Гул проносится по рядам – так-так-так-тик-тик-тик-тук-тук-тук. Все в струночку вытягиваются, честь отдают, ну еще бы тут честь не отдать – летят большие часы, да не большие, здоровенные, бом-м, бом-м, бом-м, и стрелками поводят, время ищут, чем там поживиться можно...

И все-все от мала до велика им время несут.

Много времени несут – мотками, мотками, ведрами, ведрами, клубками, клубками, мешками, ушатами, у кого что есть.

Так уж повелось – сначала время большим часам дают, много времени дают, потом уже что останется от времени, то часы поменьше себе забирают – напольные часы, маятники всякие. А уж потом что останется, то мелкие часики себе забирают, Брегет там, золотые часы карманные и прочая мелкая сошка.

Брегет с золотыми часиками делят остатки времени пополам, едят.

Поели.

Передохнули.

Пора дальше лететь, время искать.

Времени-то только кажется, что много, вон, вся вселенная полна времени, хоть ложкой черпай – а часам-то это время на один зуб. Много нужно времени часам, ой, много, вот и ищут часы черные дыры...

То есть, время во вселенной – непостоянная величина?

Да, времени становится все меньше.

Ну, еще бы, время идет...

Нет-нет, дело не в этом... кто-то как будто пожирает время...

Кажется, я даже знаю, кто именно – социальные сети, потом...

Все было бы смешно, когда бы ни было так грустно. Время исчезает с катастрофической скоростью. Предположительно, это связано с миграцией часов...

Брегет смотрит в хроноскоп. Уже ни на что не надеется, но все-таки смотрит. Плохонький у Брегета хроноскоп, а другого нет, куда деваться, и не денешься никуда...

Брегет смотрит в пустоту вечной ночи и бесконечного неба.

Ищет время.

А времени нет.

Нет, так-то есть, конечно, только то не время, так – времечко, времячишко, времячищечко, по крохам его собирать, по крупиночкам. А настоящего времени – такого, чтобы всем надолго хватило – ищи-свищи, не сыщешь.

Не сыщешь.

Золотые часики коротко всхлипывают, Брегет утешает, подбадривает, чем может, ничего, прорвемся – сам не верит в то, что говорит.

Хроноскоп оживает.

Сигналит.

Пищит.

И все спохватываются, все – от мала до велика – спешат, смотрят на хроноскоп, вот оно, время, время, много времени, вагоны времени, составы времени, вон оно, намоталось на мертвую звезду...

Брежет спешит ко времени.

И все спешат – от мала до велика.

Часы, часищи, часочки, часочечки, часишечки, сначала большие боевые часы спешат, потом поменьше часы, потом совсем мелюзга, а там и самые главные часы подтягиваются, главные часы себя берегут.

Что-то происходит там, впереди, Брежет еще не видит, что, но чувствует – нехорошее что-то, и вот гул по рядам, по рядам, многоголосый гул —

– Война!

– Война!

– Война!

И правда, война, вон она там, впереди, зубами клацает, да нет, не клацает, нет у войны никаких зубов, а вот из пушек стреляет, это да, вон уже передние ряды часов полегли, шестеренками-пружинками разлетелись, стрелки во все стороны. А остальные часы, кто жив остался, те в засаду залегли, затаились, отстреливаются от врагов, вон они, враги, гибнут под выстрелами, вспыхивают электрическими искрами...

Это еще что?

Электрическими...

...искрами?

Брежет не понимает, не верит себе, как так – электрические часы, а вот так – электрические, чем дальше по белу свету Брежет летает, время ищет, тем больше всяких чудес видит.

Отступили враги, затаились во времени, не хотят враги отдавать свое время, враги первые время отцпали, вот теперь и не отдают.

Брежет на пару с золотыми часиками летает по полю боя, подбирает убитых, ищет, чем поживиться, где какие шестереночки, где какие пружиночки, на запчасти сгодятся... Золотые часики подкрадываются к убитым электрическим часам, осторожно-осторожно подбираются – может, ловушка какая – развинчивают недорастерзанный механизм, смотрят, не понимают, провода какие-то, проводочки, проводочечки, ни шестеренок, ни пружинок, поживиться даже нечем. А то и вовсе не часы, а не пойми, что, на циферблате стрелок нет, и цифры не пойми какие, пятнадцать, двоеточие, семнадцать, вообще не время показывают, а чертовщину какую-то...

...Брежет падает с простреленным плечом, часики перепугано звенят, тащат Брегета прочь с поля боя, прячется под обломками часов, часочков, часищ, а там, над обломками, битва.

Большая битва.

Жестокая битва.

Такая битва, что всем битвам битва, электрические часы стреляют, и механические часы стреляют, шестеренки летят, пружины летят, микросхемы летят, провода летят, батарейки летят, всё летит.

Выдохлись.

Отвоевались.

Расползлись с поля боя зализывать раны, устроили затишье перед очередной бурей.

А тут —

– Миротворец.

Вот так пробежало по рядам, по полкам, по дивизиям —

– Миротворец.

Все ждут, все волнуются, что за миротворец, зачем миротворец, почему миротворец.

А вот.

Миротворец.

Завтра будет.

И снова все ждут, все волнуются, как этого миротворца встретить, как привечать, что они едят вообще, миротворцы эти, может, время едят, это с ними временем делиться придется, или звезды едят, или вообще часами питаются, так это ж тогда спасайся, кто может. И где живут они, миротворцы эти, тоже непонятно, то ли номер в гостинице ему готовить, то ли гнездо вить, то ли еще чего.

И все-все притихли от мала до велика, часы, часики, часищи, часочки, часочечки, часищищи, стрелками поводят, тик-тик-тик-так-так-так-ток-ток-ток-тук-тук-тук, что-то будет...

Миротворец приехал вечером, ну, это образно говоря – вечером, когда часы девять показывали. Миротворец оказался маленьким, щупленьким, неказистым каким-то, Брегет никак не мог определить, сколько ж ему лет, вроде выглядит молодо, а на лице мелкая сетка морщин. Миротворцу очень понравился гостиничный номер, который соорудили для него в старом маятнике. Все с нетерпением ждали, что же такого сделает миротворец, как он остановит часы, то есть, не часы остановит, а войну, как это у него получится, маленький же, щупленький же, безоружный, хоть бы пушку с собой какую взял, а то даже пушки нет...

Наутро миротворец вышел на поле боя, оглядел бесконечные ряды часов, часов, часов, электронных, механических, всяких, всяких, всяких, вот они, на битву собрались, не на жизнь, а на смерть, а как вы хотели, времени-то не хватает, часмы же время едят...

И тут миротворец сказал:

– Часы не едят время, они его показывают.

И все.

И войны, как не бывало.

Правда, наутро, когда миротворец уехал, Брегет обнаружил, что вместе с миротворцем пропали золотые часики. Брегет так и не понял, то ли это миротворец украл золотые часы, то ли часики сами сбежали с миротворцем...

Много Дэ

– Господин дворецкий!

Я еще раз оглядел большой зал старинного замка – дворецкого не было. Делать нечего, я сам снял пальто и повесил его на вешалку, а потом растопил огонь в камине. Каково же было мое изумление, когда я обнаружил, что ужин не приготовлен – потому что кухарки тоже не было видно. Предчувствие неладного сжало мое сердце – я бросился в людскую и остолбенел на пороге: людская была пуста, не так пуста, как бывает, когда слуги вышли, а пуста так, будто никаких слуг не было и в помине.

Тревожное подозрение превратилось в уверенность. Сжимая кулаки, я поднялся по винтовой лестнице на чердак и окликнул демона – демон отозвался не сразу, он даже удивился, что я пришел к нему.

– Что ты натворил? – спросил я.

– Не понимаю вас, – отозвался демон.

– Ты забрал их всех... ты убил их всех... но зачем? Почему?

– К-кого убил? – демон оторопело уставился на меня, – к-кого забрал?

– Дворецкого... и горничную... и кухарку... всех, всех... слушай, это неправильно... что бы у тебя там ни было дальше по сюжету, ты все равно не должен их всех разом забирать... хотя бы по очереди, что ли... хоть кухарку, что ли, верни, я есть хочу...

– О чем вы говорите... – демон, казалось, был растерян, – я никого не забирал.

– Тогда... тогда где они все?

– Ну, мало ли... гулять пошли... может, праздник какой сегодня, перепились все...

– Но-но, прошу не оскорблять наших людей... нет, сегодня никакого праздника нет, нет... Но тогда где же они?

Вхожу в бар.

Приближаюсь к стойке, выжидая смотрую на пустую стену.

Бармена нет.

Нетерпеливо постукиваю по стойке.

Бармена нет.

Жду.

Бармена нет.

Смотрю на часы.

Не понимаю, куда подевался бармен.

– Странно... вы не получили мое письмо?

– Нет, не получил.

– Еще более странно...

– Что тут странного, почтальонов же нет...

– В смысле?

– В прямом смысле... пропали куда-то все почтальоны...

– Ну что... таинственное исчезновение людей...

Это мне говорят. Говорит старый граф, у которого пропали все слуги.

Киваю.

Спрашиваю:

– Где исчезновение?

– Да везде.

– Что значит, везде, – фыркаю, – во всех книгах, что ли?

– Наверде того.

Присвистываю. Это новенькое что-то, чтобы во всех книгах.

– Возьметесь за дело?

– Возьмусь, как не взяться... списочек пропавших можно?

– Да кто ж вам составит этот списочек, пропало-то до фигища и больше!

– И все-таки... мне надо посмотреть, что их объединяет.

– Да ничего их не объединяет, вон, дворецкий в замке, бармен в баре, вон поломойка...

– А-а-а, так может, это, мелкие сошки всякие...

– Ага, это по-вашему премьер-министр у нас мелкая сошка? Ну-ну, куда уж мельче-то... или вон, ымператор какой-то вселенную захватить хотел, тоже сошка мелкая?

Сжимаю зубы.

– Ну, всё равно список нужен... ничего-ничего, сам составлять буду...

– Что там список ваш? Продвигается?

– Да, плохонько со списком у нас... раньше же кого опрашивали? Барменов всяких, официантов, горничных, а теперь они попропадали все...

– И что? Так-таки ничего не нашли?

– Ну отчего же, всё нашел.

– Людей пропавших?

– Ну, пока еще не людей, но кое-чего вырисовывается... Я хоть понял, что объединяет их всех... ни за что не догадаетесь.

– Группа крови какая-нибудь?

– Да нет... тут поинтереснее всё... Это всё герои второстепенные... простые... плоские...

– Что думаете... похищает их кто-то?

– Да нет, думаю, они сами сбегают.

– А что так? Я вроде людей своих в жизни ничем не обидел, кухарка в ту зиму с пневмонией лежала, так я какие деньжищи на лекаря потратил...

– Да нет, тут не в этом дело... Понимаете... надоело им быть на вторых ролях. Надоело.

– И чего, решили каждый свою книгу основать?

– Ну... наврде того.

– Не выйдет у них ничего... не выйдет, – граф презрительно фыркает, – это ж каким героем надо быть, чтобы в книжке на первый план выйти... им всем и не снилось..

Чувствую, что меня передергивает, как ни крути, это камушки и в мой огород тоже, я-то персонаж плоский, площе некуда, не видать мне своей собственной книги, как своих ушей...

– Так что можно не беспокоиться, – кивает граф, – ничего у них не выйдет.

– Не выйдет, – соглашаюсь, – если только не...

– Если только не что?

– М-м-м... мне нужно еще кое-что проверить...

– Ну хорошо, – старый граф вздыхает, – проверяйте... проверяйте...

Разыскивается.

Смотрю на своё фото в газете, читаю – разыскивается.

И дальше —

Самовольно покинул свою книгу, отправился в открытый космос на самодельно сконструированном корабле...

Ну, насчет самодельного корабля это они загнули, переоборудовал старый спутник.

И насчет сбежал, тоже загнули. Надо бы сообщить графу, послать весточку, что никуда не сбежал, вернусь – ну да ладно, успеется.

Смотрю на экран.

Ищу звезду.

Нет, конечно, не какую попало звезду, а такую, которая должна погаснуть. Вспыхнуть – и погаснуть.

Бывают такие.

Зачем ищу?

Да затем, что не я один погасшую звезду ищу.

Они тоже ищут.

Кто они...

Эти...

Все...

Дворецкий, и кухарка, и мальчик посыльный, и бармен, и поломойка, и безымянный таможенник, и женщина, которая смотрела из окна в какой-то книге, и много еще кто...

– Ну, понимаете... чтобы перейти из одного измерения в два, в три, в четыре, нужно очень много энергии... больше, чем накоплено человечеством за всю историю...

– А если использовать не энергию, накопленную человечеством... а какую-нибудь другую энергию?

– Ну, какую другую, какую другую, это ж сколько топлива надо... это вот если звезда взорвется, тогда еще может быть...

– Значит... надо искать звезду, которая взорвется?

– Ну, как вы её найдете...

Ищу звезду, которая взорвется.

Потому что они тоже её ищут.

Они.

Все.

Которые сбежали.

Смотрю на экран.

– Немедленно вернитесь на место.

Это я ору.

В динамики.

Сам не знаю, зачем ору, сам не знаю, что ору, какое место, где у них место, в книжке у них место, по книжкам их...

Они не слышат. Или делают вид, что не слышат, они, все, дворецкие, бармены, полицейские, сколько их там есть на исполинской космической станции, откуда они вообще эту станцию взяли, да откуда, известно, откуда, сколько на космических станциях служат безвестных работников, у которых не только характера, даже имени нет, вот они и угнали целую станцию, и других сюда позвали...

– Немедленно вернитесь...

Не услышат.

Я знаю.

Вернее, услышат, но не откликнутся.

Ослепительная вспышка.

Зажмуриваюсь, закрываю лицо руками.

Еще не знаю, что случилось с ними там, возле погасшей звезды, но уже понимаю, что новых книг не появится.

Никогда.

Выхожу на связь, на связь выйти получается не сразу, наконец, откуда-то издалека слышится голос графа:

– Вы их нашли? Вы их арестовали? Да что у вас там, черт возьми, происходит?

Отвечаю, голос меня не слушается:

– Умерли они все... умерли...

– Черт... как так оно получилось-то? Вы-то куда смотрели?

Вспыхиваю:

– А я что могу сделать, тут знаете, как рвануло? Вообще непонятно, как я жив остался...

– Ну... оно и к лучшему... а то мало ли чего они бы натворили там... Эдак вообще все книги разнесут к чертям...

– Тоже верно.

– Ну, давайте, возвращайтесь, ждем вас...

Связь обрывается, резко, внезапно, она всегда резко, внезапно обрывается. Прислушиваюсь к себе, пытаюсь понять, кто я теперь и что я теперь. Вроде ничего... хотя нет, очень даже чего, раньше я скрипки делать не умел, да не просто скрипки, вот меня угораздило выдумать крылатые скрипки, чтобы летали, помогали мне преступления раскрывать... а вот чего ради меня на магнитики потянуло, вот это мне как-то даже не нравится, ладно бы марки там или монеты, а то – магнитики, которым у меня вес фургон обклеен... я, оказывается, в фургоне живу... похоже, с этими магнитиками попаду я в переделку, в такую переделку, что мало не покажется, то ли подкупит меня кто магнитиками этими, то ли мне преступление расследовать надо будет, злодея ловить, а я как дурак за магнитиками попрусь... В общем, что-то будет, и никуда от этого не денешься...

Думаю, как найти свою книгу, совсем-совсем свою, – или никак не найти, она сама меня найдет.

Да, забыл сказать графу, что может меня не ждать...

Последняя космическая

– Место рождения?

– А я... не родился еще.

Там фыркают, там сердятся, там нервничают. Там. Напротив меня. Я их не вижу, да можно ли их вообще видеть, мне кажется – нет.

– Да нет же... где вы родиться-то хотите?

– Да мне как бы...

– ...без разницы?

– Наверде того.

– Нет, вы уж давайте с этим поосторожнее... вы кем быть хотите?

Понимаю, что некогда скромничать, некогда притворяться, не до того сейчас, не до того, я же не на семейном обеде в конце-то концов, где тетушки-бабушки насядут, у-у-у, какой мальчик большой, а ты кем быть хочешь, когда вырастешь, и начинаешь плести околесицу какую-нибудь, чтобы тетушек-бабушек не обидеть... а здесь вот...

– А я... космические корабли строить хочу.

– То есть, это вам родиться надо ближе к концу цивилизации, когда уже в космос летают...

Откашливаюсь. Вернее, откашливаться мне еще нечем, живого тела у меня еще нет.

– Э-э-э... я, собственно...

– Что такое?

Снова напоминаю себе, что скромничать не к месту и не ко времени, я не на семейном ужине...

– Я хочу... первым быть... кто в космос чего-нибудь запустит...

Оттуда, напротив, снова фыркают.

– Вот оно что... это мне, значит, с вами еще мучиться, высчитывать с точностью до года...

– П-почему до года?

– Ну а вы как хотели, это же выждать надо, когда технологии будут, когда умные головы будут, к какому-нибудь институту вас приткнуть...

Сглатываю. Вернее, сглатывать мне еще нечем.

– А мне бы... не к институту, а...

– ...а как вы хотели?

– Ну... в те времена, когда про полеты еще не знают ничего, а я сам в гараже где-нибудь соберу с нуля... чтобы самый-самый первый...

С той стороны смеются, вернее, это мне кажется, что смеются, там смеяться не умеют.

– Ну, вы загнули... такие вещи в одиночку не делаются.

– Да кто вам сказал, что не делаются? Если такого не было еще, это не значит, что невозможно... так что давайте меня куда-нибудь... на заре цивилизации...

– Совсем на заре? Когда про колесо еще не знают?

– Ну, не совсем... ну когда там электричество есть, железо там всякое добывают... нефть...

– Нефть, знаете, большая редкость, я вам по пальцам перечить могу планеты, где эта штука встречается.

Хочу спросить, сколько у него пальцев, и есть ли вообще. Не спрашиваю.

– Ну, я...

– Понимаю, понимаю, – перебивают оттуда, – посмотрим... намучаетесь вы, сразу скажу, намучаетесь... все на свете проклянете... всю жизнь на это дело положите...

Спыхватываюсь:

– Меня на костре-то не сожгут?

С той стороны возмущаются, вспыхивают:

– Да откуда вообще байка эта про костры пошла! Костры, костры... Вам и без костров проблем хватит... Если я вообще для вас такую землю найду... а то что-то я реальности перебираю, не вижу... Здесь не успеете, через десять лет война все сожжет к чертям... здесь вообще не успеете, солнце пыхнет... мда-а-а, плохо ваше дело...

Неужели... нет такого?

– Есть-то есть, только планеты всё какие-то...

– Климат дрянной? Дождь из ледяных глыб? Ветра с ног сбивают?

– Да нет... гравитация бешеная.

– И что?

– А то. Сами не понимаете?

– Что тут понимать... подумаешь, гравитация. Я же изначально там родиться должен, значит, и тело будет приспособлено...

– Ну, вы даете... и это вы с такими мозгами в космонавтику полезли? Ну-ну... ничего, что там космическая скорость зашкаливать будет?

Сжимаю зубы, которых у меня еще нет, и неизвестно, будут ли:

– И ничего.

– Да... и чем вы собираетесь эту скорость развивать?

– Найду как...

Там смеются. Нехорошо как-то смеются.

– Ну, ладно... удачи вам...

Что-то происходит, еще не знаю, что, но догадываюсь – моя судьба решена.

– Вот... адресочек ваш...

– С-спаси...

Смотрю на адресочек. Не понимаю. Не верю себе.

– А что... больше ничего не...

– ...не подошло. Сами просили.

Понимаю, что разговор окончен. Все-таки спрашиваю вдогонку:

– Э-э-э... а что... на черных дырах жизнь, что ли, есть?

Не получаю ответа. Сейчас всё узнаю сам...

Пять городов

Эт упал в пустыню.

Ну еще бы, куда еще Эту падать, кроме как в пустыню, не в океан же падать и не на крайнем севере, где снега, снега, снега – только в пустыню. Ну а как вы хотели, кто ж сразу в город падает, еще найти его надо, этот город, ищи-свищи этот город, ищи-свищи...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.